

Мария Жукова-Гладкова

Тайны старого Петербурга

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=295062
Тайны старого Петербурга: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27707-0*

Аннотация

Пожар в мансарде над обычной питерской коммуналкой неожиданно послужил началом новой жизни всех жильцов. И вот скромные обыватели становятся отчаянными авантюристами-кладоискателями, а преподавательница французского языка Марина – их бесстрашным предводителем. В дамской сумочке теперь она носит складной нож, а в дорожную сумку кладет автомат. Но не только силой оружия обаятельная и решительная женщина прокладывает путь к тайне фамильного клада...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Жукова-Гладкова

Тайны старого Петербурга

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными и сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Санкт-Петербург

26 июня 200... года, пятница

Мы с моим одиннадцатилетним сыном Сережкой поздно улеглись в тот теплый июньский вечер. Ко мне приходили подруги: отмечали начало их отпуска. Подруги – Светка с Наташкой – учительницы. Я тоже в их школе немного подрабатываю, правда, рассматриваю свои часы там как возможность найти учеников лично для себя: активно занимаюсь репетиторством.

Мы трудимся в так называемой «элитной» школе, прости господи, чтобы не выразиться непечатно. Одна параллель у нас «элитная», или «ципушники», как мы их называем, – классы целевой интенсивной подготовки учащихся (ЦИПУ), а вторая – нормальные дети. Учителям доплачивают за обучение «элитных» деток (за вредность, как я предполагаю) из тех денег, что папочки и мамочки вносят за эту самую целевую интенсивную подготовку.

Я работаю только с классами «ципушников», а по вечерам, если удастся, подтягиваю индивидуально кого-то из этих же «элитных» деток, а бывает, даже и их родителей, – если мамочкам, например, ударяет в голову съездить в Париж на показ мод. Меня несколько раз даже прихватывали с собой переводчиком. Я что – я с радостью.

К сожалению, переводческой работы с французским в моем родном городе на Неве не так много. Ну зачем я не учила английский?! Французский-то, оказывается, почти не нужен. Нет, деловые французы у нас все-таки иногда появляются, правда, почему-то в основном строители. Вон, например, на Невском из известного в прошлом ателье-магазина под народным названием «Смерть мужьям» (из-за цен) банк сделали. Я там, кстати, несколько раз подхалтуривала с приезжающими на короткий срок специалистами. Можно было бы пойти на постоянную работу (в тот же банк звали), но я не могу. С девяти до шести – какой кошмар! Нет, это не для меня. Я должна носиться по городу как ошпаренная (пусть и двенадцать часов, но только не на одном месте!) – вот тогда я довольна. Натура у меня такая. Деятельная, активная и авантюрная. Школа, репетиторство, переводы и, конечно, экскурсии.

Летом к нам приезжает немало туристов из зарубежных стран, которых я и развлекаю по мере возможности. Развлекаю – это вожу по городу и пригородам. Зимой тоже ездят, но мало. С английским – опять же – работы было бы гораздо больше, но приходится довольствоваться тем, что есть. Если взять все страны, в которых распространен французский, то работы хватило бы на всех жительниц (и жителей) Петербурга, знающих этот язык, но что-то я на своем веку не припомню ни одного туриста из солнечной Африки. Не хотят, наверное, ехать в наш дождливый холодный город. Или не до того им, борются там у себя на континенте за демократические свободы. Или проблемы перед ними стоят те же, что и перед основной массой населения нашей страны, – нет денег на разезды по городам и весям, прокормиться бы.

Мне лично денег никогда не хватает. А в принципе, их когда-нибудь бывает в достатке? Никогда – сколько бы человек ни получал. Как я уже сказала, я халтурю где только можно,

но все равно... Ношусь-то ведь как пчелой ужаленная не только потому, что мне на месте не сидится. Дитяtko кормить надо, самой одеваться, да и Сережка растет не по дням, а по часам, «горит» на нем все, и побаловать хочется единственное чадо. Хоть бы клад найти где, что ли? Чтоб хватило денег на всю оставшуюся жизнь. Работала бы тогда только из чисто спортивного интереса. В удовольствие. Нет, дома я все равно бы не осела – свихнулась бы от безделья. Мне крутиться-вертеться нужно.

И даже когда спортом занималась, я специально выбрала летнее многоборье ГТО – чтобы несколько разных видов было. Тут тебе и бег, и метание, и стрельба, и плавание. Люблю я разнообразие. В последние годы, конечно, стало не до активных занятий спортом, но все равно в бассейн хожу, в тир забегая, и гантельки у меня дома на видном месте лежат. Я периодически живот и спину подкачиваю – чтобы пузо не висело и на спинке мышцы слегка поигрывали.

В общем, так и живу. Кручусь как белка в колесе. Но скучать некогда, а это главное.

Итак, сидели мы вечерочком в пятницу с двумя моими подругами-учительшами, на жизнь друг другу плакались. Хочется, знаете ли, иногда себя пожалеть. А девичники с бутылочкой как раз к этому располагают. Подружки в отпуске отдыхать не собираются, и Светка, и Наташка намерены деньги зарабатывать. Ну, может, мы все выберемся к Наташке на дачу на недельку. Или деньков на пять. Но это как получится. Вот ведь жизнь пошла... Но детей кормить надо, самим есть-пить-одеваться...

Сережка с нами какое-то время посидел, потом телевизор смотрел в наушниках. Мне его отправлять на лето некуда, да он и сам не особо рвется. Пляж у нас рядом – живем у Петропавловки, друзья его тоже в основной своей массе в городе тусуются, да и понимает ребенок, что мне помогать надо. Я в одиннадцать лет, пожалуй, такой еще не была. А Сережка твердо намерен помочь мне с ремонтом. Мы уже года два собираемся его сделать. Но в это лето я твердо решила довести задуманное до победного конца.

У Наташки семилетняя дочь на той самой даче с ее матерью. А еще у Наташки есть любовник – милиционер. Мало того, что из органов, так еще и женат. Я его ни разу не видела, но наслышана... А расстаться – никак, любит его Наташка, говорит: хоть какой-то, а мужик. На безрыбье и женатый мент сойдет, который ко всему в придачу еще обладает полным отсутствием характера, как утверждает Наташка. Я, правда, так не думаю – в смысле что сойдет. По-моему, лучше никого, чем такой, но это личное Наташкино дело.

Светка зимой с родителями, летом они в деревню уезжают, а Светка в загул пускается – душу отводит и плоть удовлетворяет. В общем, у подруг моих летом – настоящие каникулы. Для устройства личной жизни, которую все время не получается устроить по-нормальному. А у меня Сережка. Но, один раз сходяв замуж, «устраивать личную жизнь» мне как-то расхотелось. Правда, в головах моих пожилых соседей засела идея фикс: снова меня туда выдать. Не получится! Нажилась я.

Хотя у подруг сейчас квартиры и свободны, собрались мы на этот раз у меня. Одного Сережку дома оставлять не хотелось, тащить с собой к Светке или Наташке – тоже не лучший вариант. Да он нам и не мешает никогда.

Сверху шумы доносились. Подруги, приняв на грудь, предлагали объединиться с соседями сверху: разбавить нашу женскую компанию мужским полом. Я была категорически против, в очередной раз напомнила Светке с Наташкой, кто там обитает. Надо мной – мастерская троих художников, двое из которых туда переселились на постоянное место жительства. Жены повыгоняли, как сообщили мне соседки-бабульки. Один пока еще в семье остается, но, как я предполагаю, частенько к друзьям навещается. И другие приятели заходят. Не знаю уж, что там они творят – если вообще творят что-то на холстах, желания проверять не было. Хотя несколько раз меня приглашали зайти взглянуть, я вежливо отказывалась.

Подруги ушли в начале второго. Живем мы на одном берегу Невы, так что разводка мостов нам, как говорится, до лампочки. Сережка помог мне убраться на скорую руку, и мы с сыном легли спать.

Я заснула, едва донесла голову до подушки.

* * *

– Мама! Мама! Да просыпайся же ты наконец! Мама!

Сережка изо всех сил тряс меня за плечо. Отчаяние и слезы в голосе сына заставили меня продрать глаза, хотя стоило мне это немалых усилий. Казалось, что я только что заснула.

– Мама! Пожар! Вставай! Быстро!

И тут мне в ноздри ударил запах дыма. Оба окна в нашей комнате были приоткрыты – а за ними... Белая питерская ночь окрасилась в какой-то серовато-бурый цвет и пахла непонятными химикатами. Горело что-то... Что же это может быть?! Где-то рядом в панике кричали люди. Из-под моего дивана раздался истошный вопль нашего кота Мурзика.

Я отбросила в сторону легкое одеяльце, вскочила. Отвратительный запах бил в ноздри, глаза тут же начали слезиться. Это на улице? Господи, вонь-то какая! Дым уже валил в окна. Сережка, не дожидаясь от меня указаний, бросился их закрывать. Барабанили во входную дверь. Ее открыли. Наверное, одна из соседок. Да, так и есть. Голоса в коридоре. Охают, ахают, поминают Господа всуе.

Дверь в нашу комнату распахнулась. На пороге стоял сосед с четвертого этажа – в старых тренировочных штанах, наброшенной на плечи олимпийке и домашних тапочках. В руке сжимал вместительный портфель.

– Марина, быстро! Деньги, документы. Все собирай. Серега, помогай! Слава богу, проснулись. Скорее! А то задохнемся к чертовой матери!

Убедившись, что мы встали, сосед повернулся и собрался уходить. Наверное, будить других жильцов. Или уже вниз, на улицу. Я прокричала ему в спину мучивший меня вопрос: а что хоть горит-то?

Горела расположенная прямо над нами мастерская художников.

Мы живем на пятом, предпоследнем этаже старого дома, построенного еще в прошлом веке. Или на последнем жилком. Над нами – только мансарда. Ее то ли арендуют, то ли купили художники. А вчера там хорошо гудели. Звуки-то до нас с подругами доносились, хоть слышимость у нас не такая, как в новых домах. Помню. Это помню. Мы тоже гудели. И зачем я вчера столько выпила? Уподобляюсь соседу дяде Ване, известному в наших окрестностях. А художники, наверное, заснули с непотушенной сигаретой. Или забыли выключить какой-то прибор, или... Ладно, сейчас не до разгадывания загадок. Все равно уже забыли, уже горит, надо спасать свою шкуру. Сережку, кота и что удастся из накопленного с таким трудом добра.

Дом наш, конечно, не советские строители воздвигали, не на сэкономленном сырье с досрочным выполнением плана, чтобы уложить пятилетку в три года. Строителям прошлого века я доверяю как-то больше, но вот выдержат ли сейчас перекрытия? Я с опаской посмотрела на потолок. В прошлом веке, конечно, ГОСТы были не те, что сейчас, но тем не менее...

Я как ужаленная носилась по комнате, кидая в спортивную сумку все самое ценное. Жалко было все. Все хотелось взять с собой, а не отдавать на съедение огню, если он до нас все-таки доберется. Пожарных-то хоть кто-то вызвал? Сережка тоже что-то пихал в свой рюкзак. Натянуть джинсы, накинуть курточку. Все, надо уходить. Снова хлопнула входная дверь – это, наверное, вышли бабульки. Опять открывается наша. Это Ольга Николаевна – уточнить, как мы. Старшую сестру выпроводила на лестницу, а сама решила нас с Сережкой подогнать.

– Идем, идем! – крикнула я.

Семидесятитрехлетняя, невысокая и сухонькая Ольга Николаевна кивнула и исчезла. Мне теперь осталось только вытащить испуганного Мурзика из-под дивана.

Кот орал и царапался. Бедное животное забилося в дальний угол и никак не давалось мне в руки. Наконец я вытянула его за переднюю лапу, прижала к себе – и мы с Сережкой были готовы. С момента пробуждения прошло не больше пяти минут.

С улицы донесся вой пожарных сирен. Наконец-то!

Сережка зачем-то ринулся к шкафу.

– Куда ты?! Бежим! – заорала я.

Ребенок решил спасти мою норковую шубку, на которую, как он знал, я два года откладывала деньги и купила только месяц назад.

– Брось! Сережка, задохнемся же!

Но сын уже раскрыл шкаф и почти вытащил шубу. И тут прогремел взрыв.

Я рухнула на пол, закрывая собой Сережку и Мурзика. И сын и кот истошно вопили. Я тоже что-то орала, но отвратительный дым уже просочился в квартиру, несмотря на закрытые окна, и разъедал глаза и слизистую. Не то что кричать, дышать становилось тяжело. Я поняла, что у нас остается все меньше и меньше шансов спастись. Не сгорим, так задохнемся. Медлить больше нельзя.

Шуба лежала на полу, на ней – Сережка и Мурзик, я придавливала их сверху. На меня осыпалось энное количество штукатурки; стоявшие на шкафах, столах и остальной мебели вазочки, портреты и разные мелочи попадали вниз. Нас окружали какие-то обломки и осколки. Но было уже не до них. Радовало одно: потолок над нами не обвалился. По крайней мере пока.

Мы с Сережкой дружно вскочили, подхватили собранные рюкзак и спортивную сумку, я – Мурзика, сын – мою шубу и, не глядя по сторонам, ринулись вон из квартиры.

Лифт у нас и так обычно плохо работает – если вообще работает, на этот же раз я даже не пыталась им воспользоваться: застрянешь еще – и конец. На лестнице попадались перепуганные соседи – кто в чем. На третьем этаже мы с Сережкой догнали двух наших старушек-соседок – Анну Николаевну и Ольгу Николаевну, покинувших квартиру чуть раньше нас с сыном. Младшая сестра Ваучская помогала старшей, восьмидесятипятилетней Анне Николаевне. Голова-то у нее светлая, а вот ноги отказывают, да и женщина она довольно крупная и ширококостная, в отличие от сестры. И еще этот перелом полтора года назад. После него она перестала выходить даже во двор (в основном из-за лифта, на который нельзя положиться). Но сейчас идет! Молодцы бабульки!

Вчетвером мы выбрались на улицу и посмотрели вверх. Из окон мастерской валил черный дым. Мы стояли во дворе-«колодце», именно туда выходят окна нашей квартиры. Оставив Сережку, кота и бабулек с вещами, я выбежала из-под арки на улицу, к парадному подъезду, в котором все квартиры скупил «новые русские». Мастерская располагалась над всем пятым этажом дома. В той ее части, что находилась над этими квартирами, зияла дыра, из которой валил дым. Полыхали языки пламени. Именно там прогремел взрыв. И что такое хранили эти художники?

«А какое это теперь имеет значение?» – тут же подумала я. Хорошо хоть рвануло не над нами. А «новые русские», недавно купившие квартиру на пятом этаже, несомненно, в состоянии сделать ремонт. Последние две недели я слышала, как там ведутся какие-то работы. Наверное, еще не въехали. Ну обойдется им ремонт чуть дороже. Потянут. Но вот что будем делать мы?!

Я вернулась в наш глухой двор.

– Мариночка, – обратилась ко мне Ольга Николаевна, младшая из двух сестер Ваучских, – Вани что-то не видно...

Я застыла на месте. Дядя Ваня, еще один сосед, проживающий в третьей, самой маленькой комнате нашей коммуналки, вчера здорово принял на грудь. Я ему еще закуски подбросила, что обычно делаю, когда готовлю. Потом он вроде бы уходил за очередной бутылкой... Но вот вернулся ли? А если вернулся и лежит сейчас в ступоре? Его же пушечным выстрелом не добудиться после того, как он вечером поддаст.

Я снова посмотрела на наши окна. Кругом уже сновали пожарные. Медлить было нельзя. Я бросилась в парадное.

Пожарные пытались меня остановить, я что-то кричала. Ребята тотчас же поняли, что у нас в квартире остался человек. Меня вытолкали на улицу и крепко держали. Я все равно вырвалась и понеслась вверх по лестнице. Молодой паренек, которому меня поручили, с трудом поспевал за мной. Дядя Ваня был на моей совести. Как я могла о нем забыть? Да, тут каждый спасает свою шкуру, но ведь соседи – почти родня, особенно хорошие соседи. Иван Петрович, миленький, только бы ты остался жив! Только бы ты вчера заснул где-то на лавочке в парке, не добравшись до дому. Только бы встретил кого-то из собутыльников и отправился к ним в гости. Он же мог уже задохнуться. Где-то я не так давно читала, что при пожаре в основном гибнут от дыма, а ожоги получает уже труп. Господи, о чем это я? Ведь всю жизнь буду себя проклинять, если Иван Петрович...

Его вывели из квартиры. Дядя Ваня ничего не понимал, только кашлял и тер кулаками глаза. Как и я. Мы спустились во двор.

– Даже не проснулся, – усмехнулся пожарник.

Я обалдело взглянула на соседа.

– Марина? – выпучил на меня глаза Иван Петрович. – Ты чего... это самое?.. Девка, ты же всегда была такой...

Я проследила за взглядом соседа. Одеваясь впопыхах, я накинула летнюю курточку прямо на лифчик, а потом неосознанно расстегнула. Было жарко.

Мы стояли во дворе перед нашим парадным и хохотали. Двое пожарных, трезвевший на глазах Иван Петрович и я – в уже застегнутой наглухо курточке. Расположившиеся на скамеечке в середине двора пожилые соседки, Сережка в обнимку с завернутым в норковую шубу котом и вылетевшие на улицу обитатели других квартир взирали на нас с удивлением.

Правда, если отстраниться от происходящего, другие жильцы тоже выглядели весьма колоритно, что не преминула заметить высыпавшая на улицу обслуга ночного клуба «Жар-птица», задняя дверь которого выходит в наш «колодец» и используется в основном для выноса помоев. Ну, может, через нее иногда кто-то и «делает ноги», с уверенностью утверждать не могу, но предполагаю. Хорошо хоть, что помойка у нас крытая, установлена по какому-то новомодному проекту хозяином, проживающим, кстати, в нашем же доме, естественно, в парадном подъезде. Наверное, поэтому и разорился на установку этих закрытых бачков, вонь от которых не поднимается во все выходящие в «колодец» окна. Чтобы жильцы его любили и жаловали, но не жаловались в различные инстанции. В общем, он прав. Но в первую очередь он, конечно, заботился о себе: все-таки одно из окон его квартиры (как и всех остальных «новых русских», проживающих в парадном подъезде) тоже выходит во двор, а не на улицу.

Только я вспомнила про Олега Вениаминовича, как сам господин Стрельцов в сопровождении двух дюжих молодцев вышел из своего заведения, воспользовавшись черным ходом. Быстро оглядев собравшихся во дворе, троица торопливо проследовала под арку и скрылась из нашего поля зрения.

– Кто такой? – поинтересовался один из пожарных.

Я пояснила. Пожарный высказался непечатно о власти и богатство имущих, извинился передо мной за нецензурные выражения, а потом спросил, на каком этаже находится квартира господина Стрельцова. Я сообщила, что на третьем.

– А ты сама на каком? – проявлял дальнейший интерес тот же пожарник.

Иван Петрович встрял в разговор, заявив, что я – его любимая соседка, которая, несмотря на угрозу своей жизни, бежала спасать его, старика. Я тут же стала убеждать Ивана Петровича, что никакой он еще не старик. Дядя Ваня смахнул слезу и заявил, что таких соседей, как у него, ни у кого нет. Обнял меня, облобызал, и мы дружно разрыдались.

А вообще соседи у меня отличные. Переехала я сюда после развода со своим и считаю, что мне крупно повезло. В один прекрасный день года полтора назад соседи предложили мне приватизировать квартиру – что мы и сделали. Тогда я еще не знала, почему вдруг и дядя Ваня, и Ольга Николаевна с Анной Николаевной дружно пожелали это сделать... А потом оказалось, что они завещали нам с Сережкой свои доли. Вот тогда я рыдала – от счастья. А они сказали, что у них, кроме нас, соседей, больше никого нет и не хотят они, чтобы комнаты государству достались, пусть лучше у нас с Сережкой квартира будет. Хоть такая. Хоть когда-нибудь.

Пожарники тем временем раздобыли где-то опилки и таскали их на наш пятый этаж. Я спросила зачем.

– Да чтоб у тебя полы не вспучило, – сообщил мне один из парней.

Какие ребята! Такая работа опасная, техника по сравнению с западной – ничто, чуть ли не на голом энтузиазме работают, на смелости и отваге. И сейчас стараются – понимают, что людям после пожара траты предстоят...

Правда, в парадный подъезд они опилки не таскали. Только в нашу квартиру. Личный контакт прежде всего?

Пожар потушили, дым уже почти рассеялся, и большая часть пожарных машин уехала, уступив место следственной бригаде. Какой-то милиционер задавал мне вопросы, я механически отвечала, не понимая, что ему от меня надо. На меня навалилась усталость. Пора было возвращаться в квартиру. Я с ужасом думала о том, что мне предстоит там увидеть...

Милиционер сказал, что зайдет завтра, я кивнула. Тут из парадного появился молодой пожарник, которому не удалось меня удержать, когда я рвалась спасать дядю Ваню, – теперь он сидел рядом с Сережкой и старушками, оказывая им моральную поддержку как единственный мужчина в нашей квартире.

Я вопросительно посмотрела на пожарника. Он сразу же понял, что я хочу узнать.

– У тебя ничего не сгорело, Марина, – сообщил он. – И потолок не над вами рухнул. Залили мы, конечно, все... Но это высохнет. Там разбилось кое-что. Но, в общем, бывает гораздо хуже.

Утешил, называется.

Валера – так звали пожарного – предложил проводить меня до квартиры. Наверное, чтобы я в обморок не грохнулась, а если грохнусь – чтобы было кому подхватывать. Я велела Сережке и соседям пока оставаться во дворе и пошла.

Честно говоря, я ожидала худшего. Ноги утопали в опилках, штукатурка обвалилась во многих местах, обои... Про них промолчу. Мои любимые вазочки... Картина под стеклом, висевшая на стене... Но пожар до нас не дошел.

– Тебе повезло, Марина, – сказал пожарный.

Я стала прикидывать, сколько времени придется потратить на приведение квартиры в божеский вид и во сколько мне это обойдется. Рассчитывать на бабушек и дядю Ваню не приходилось. Позову Наташку со Светкой... И вообще, лучше бы к кому-то из них перебраться на пару-тройку дней...

К нам в квартиру вбежал еще один пожарный, отвел Валеру в сторону и стал ему что-то шептать на ухо. Я же тем временем осматривала нанесенный нам урон – по всем трем комнатам коммуналки. Самый меньший был нанесен дяде Ване, проживавшему в бывшей темной комнате, в которой прорубили окно, да и, откровенно говоря, урон-то там особо нано-

силь было нечему. Мы со старушками Ваучскими пострадали, наверное, в равной степени – лишились своих любимых безделушек. Но в общем и целом остальное поправимо: вещи высушим, обои новые поклеим. Я же как раз собиралась ремонт делать, не так ли? Разорюсь и на обои в комнате старушек. Наверное, или Светка, или Наташка согласятся взять их к себе на какое-то время. Ведь и надо-то максимум на недельку.

Из грустных раздумий меня вывел голос Валеры, интересовавшегося, не знаю ли я, кто купил соседнюю с нами квартиру.

– Какую соседнюю? – не сразу поняла я. На нашей лестнице на этаже только по одной квартире.

– Ну тоже на пятом, только вход с улицы...

Наверное, мне стоит немного углубиться в историю нашей квартиры. Изначально она принадлежала предкам Ольги Николаевны и Анны Николаевны – да, да, вот так складывается жизнь. Старушки Ваучские и родились в ней, Анна Николаевна еще до революции, в тысяча девятьсот тринадцатом, а Ольга Николаевна – в двадцать пятом. Это была огромная восьмикомнатная (если считать темную) квартира, занимавшая весь этаж. После революции семнадцатого года бывшим хозяевам оставили лишь одну комнату, сделав квартиру коммунальной. Собственно, из нее получилось две квартиры – четырехкомнатная с парадного подъезда с прежней кухней и трехкомнатная с кухней, переделанной из комнаты. Большую квартиру купили «новые русские». Их апартаменты начинались на втором этаже, а кончались на пятом. Наша же часть, где окна всех комнат выходят в «колодец», оставалась невостребованной на рынке элитного жилья. Еще с пятого этажа, где размещалась наша коммуналка, все-таки виднелся довольно большой кусок неба, а вот с нижних...

Такая же картина была и в соседних домах, что, кстати, отражалось и на составе учеников в нашей школе. Поскольку она была одна на весь микрорайон, в ней учились и дети «новых русских», и дети жильцов многочисленных коммуналок.

От квартиры в элитной части подъезда, которую не так давно продали, нас отделяли установленная во время капитального ремонта стена, перегородившая «черный коридор»; стена между коридорами («черный» стал нашим, а основной остался в парадной квартире) и стена их кухни и нашего холла перед входной дверью. Новых хозяев я еще не видела, только слышала звуки, свидетельствовавшие о том, что там начали ремонт. Не знаю уж, что там не устроило новых хозяев жилья. Мне доводилось бывать у предыдущих – я занималась французским и с их девочкой, и с бывшим хозяином, и его женой. Меньше года назад они уехали во Францию. По-моему, квартира в прекрасном состоянии. Но каждый выпендривается по-своему.

– Там такое... – закатил глаза последний прибывший пожарник.

Я вопросительно посмотрела на него, ожидая услышать описание барских хором, которые парень из какой-то далекой провинции (на эту работу в Питере в основном идут иногородние – за жильем) мог увидеть лишь со сны.

– Апартаменты «новых русских», – пожалала я плечами.

Тут в нашей квартире появился кто-то из следственной бригады и задал мне тот же вопрос, что и пожарные. Внутренний голос подсказал: там что-то не так. Может, кто-то задохнулся угарным газом или едким дымом и им не провести опознание? Следовательно тем временем предложил мне пройти вместе с ним в парадный подъезд.

Вновь оказавшись во дворе, я крикнула Сережке и соседям, чтобы не вставали со скамейки, а дожидались меня. Они, правда, не послушались, изъявив желание подняться наверх. Иван Петрович помог бабулькам, подхватил мою спортивную сумку и рюкзак Сережки, а мой сын, накинув на плечи мою норковую шубку, достававшую ему почти до пят, понес назад в дом испуганного кота, прижимавшегося к мальчику всем телом. Сын с Иваном Петровичем угрюмо молчали, бабульки утирали слезы. Я обещала скоро вернуться.

Потолок в соседней с нами квартире обвалился в одной из двух комнат, еще сохранявших убранство, оставленное предыдущими хозяевами. Вместе с потолком вниз, из мастерской, рухнули обгорелые и разорванные останки двух человеческих тел, по которым было невозможно никого опознать. Судмедэксперт уже собирал их в мешок. Третья комната представляла собой склад каких-то строительных материалов и мебели.

– Это из четвертой, – пояснил следователь.

Что он имел в виду, я поняла, переступив порог этой самой четвертой, где были разобраны стоявшая в углу печь и часть одной стены. Из открывшейся в стене полости на нас взирали пустые глазницы черепа. Виднелась также верхняя часть скелета. Чтобы открыть остальное, требовалось разобрать до конца кирпичную кладку.

Я невольно отшатнулась и упала на услужливо подставленные руки пожарных. Как мне потом сообщили, двое молодых парней уже успели грохнуться тут в обморок. Я оказалась немного покрепче, но, откровенно признаюсь, и мне хотелось отключиться.

Глава 2

29 июня, понедельник

Следующие три дня прошли суматошно. Мы с Сережкой, котом Мурзиком и Иваном Петровичем временно перебрались к Светке, а Анна Николаевна с Ольгой Николаевной – к Наташке. Сын, сосед и мы с подругами регулярно наезжали ко мне, сушили вещи и приводили квартиру в божеский вид.

В понедельник вечером я поехала к Наташке провести старушек и сообщить им, что мы, насколько это было возможно, навели порядок, осталось только сделать ремонт, которым мы с Иваном Петровичем решили заняться незамедлительно. Дядя Ваня эти три дня не брал в рот ни капли (установил личный рекорд?), а также обещал «организовать мужскую силу», если таковая потребуется. Мои знакомые, которым Светка с Наташкой не преминули сообщить про случившееся со мной несчастье, оказывали посильную помощь. Прибираясь в квартире, мне то и дело приходилось открывать входную дверь: люди приносили какие-то хозяйственные мелочи. Похоже, что Светка с Наташкой расписали случившееся таким образом, что я вдруг разом потеряла все. Директриса, затеявшая ремонт в школе, предложила помочь стройматериалами, за которыми мы наведались с дядей Ваней. Оставалось лишь купить обои. Хотя разбитых безделушек мне было жаль, к вечеру понедельника я могла считать, что в большей или меньшей степени последствия стихийного бедствия ликвидированы.

Я хотела предложить Анне Николаевне и Ольге Николаевне, рвавшимся домой, еще немного пожить у Наташки – до тех пор, пока мы с Иваном Петровичем и Сережкой не сделаем ремонт и не выветрятся запахи. Но мои уговоры успехом не увенчались. Старушки Ваучские твердо заявили, что возвращаются в родную квартиру. Раз мы с Сережкой уже смогли вернуться, то и они не хрустальные. Вода высохла? Высохла. Матрасы, одеяла, подушки сухие, спать на них можно? Можно. Битые стекла, куски штукатурки и прочий хлам я вымела? Вымела. Ну и пусть обои ключьями висят. Ремонт подождет. Я пыталась возражать, вначале решив, что старушки не поняли, что я все намерена делать за свой счет, используя в качестве основной рабочей силы соседа дядю Ваню. Но бабульки вернулись. И в тот же понедельник, вечером, объяснили мне, сыну и дяде Ване причину своего поспешного возвращения в квартиру.

Раскрыв от удивления рты, мы слушали тайны семьи Ваучских.

– Давайте пока не будем делать ремонт, – заявила Ольга Николаевна, когда мы всей нашей компанией (включая кота) расселись на коммунальной кухне, – случались у нас такие совместные вечера с соседями.

Сережка, дядя Ваня и я – все мы хотели спросить почему, но не успели. Анна Николаевна, опередив нас, дала краткое объяснение:

– В квартире, возможно, спрятан клад.

– Или два, – добавила Ольга Николаевна.

– Не исключено, что и три, – чуть не убила нас наповал старшая Ваучская.

Впервые в жизни я была на грани обморока в ночь с пятницы на субботу, когда увидела пустые глазницы, взиравшие на меня из полости в разобранной стене соседской квартиры. Теперь мне опять казалось, что я вот-вот грохнусь в обморок. Иван Петрович открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба; Сережка то и дело повторял: «Ну ни фиги себе!»

Нам троим потребовалось некоторое время для переваривания услышанного. Когда же мы в большей или меньшей степени пришли в себя, то стали наперебой задавать старушкам вопросы. Семидесятитрехлетняя Ольга Николаевна велела нам всем замолчать и взяла на себя роль председателя квартирному собранию.

Иван Петрович заявил, что без «пузыря» он такие вопросы обсуждать не может. Анна Николаевна ответила, что пока от него не требуется участия в прениях, – ему следует только слушать. И более того, их, сестер Ваучских, рассказ можно воспринимать только на трезвую голову. В любом случае в доме на этот час выпивки нет, а ждать, пока Иван Петрович к ларькам сбегает, никто не будет, тем более зная его привычку общаться по пути со всеми знакомыми местными алкашами.

– Ну хоть полстаканчика бы кто налил! – взмолился дядя Ваня.

Мне стало его искренне жаль, но у меня в самом деле не было ни грамма. Иван Петрович – человек с золотыми руками, а для того, чтобы они работали еще лучше, требовалась небольшая внутренняя смазка, о чем знали все жители нашего микрорайона, обращавшиеся к дяде Ване за помощью. Он чинил всю домашнюю технику, причем брал за свои труды очень умеренную плату – ну и, конечно, всегда просил налить, что радостные хозяева вновь заработавшего добра и делали.

– Я без полстакана туго соображаю! – не унимался Иван Петрович. – Как механизму смазка требуется, так и мне для работы нужно разогнать кровь по жилам. То есть венам. В общем, по организму. Мой организм...

– После того, как выскажешь хоть одно дельное предложение, получишь, – перебила соседка Ольга Николаевна.

– Так, значит, есть? – тут же оживился дядя Ваня.

– После поступления от тебя конструктивного предложения, – сказала Анна Николаевна.

Дядя Ваня вскочил со своего места с проворством, которому позавидовал бы и двадцатилетний парень (а Ивану Петровичу зимой стукнуло шестьдесят два), вытянулся перед старушками Ваучскими по стойке «смирно» и отрапортовал, что готов приступить к выполнению любого задания. При этом не преминул добавить, что лучше бы все-таки с авансом. Кот замаякал – тоже любил авансы.

Ольга Николаевна с Анной Николаевной закатили глаза. Иван Петрович перевел умоляющий взгляд на меня. Я развела руками. У Ольги Николаевны все-таки было доброе сердце – она, вздохнув, удалилась с кухни и через несколько минут вернулась с бутылкой.

Много ли нужно человеку для счастья?

С другой стороны, Иван Петрович теперь был готов к любой работе. Он и в самом деле гораздо лучше трудился со смазкой.

Я же тем временем немного пришла в себя от услышанного и хотела теперь узнать подробности, спросила:

– Где может находиться клад? Хотя бы один...

Старушки ответили, что где угодно. В любой из стен на нашем пятом этаже, под полом, в любой из печей (в нашей квартире сохранились две – в нашей с Сережкой комнате и на кухне; причем печи были в рабочем состоянии, только мы их не использовали).

Не желая лишний раз пугать бабулек, я до этой минуты не рассказывала им об увиденном в соседней квартире, когда-то составлявшей единое целое с нашей и принадлежавшей предкам Ольги Николаевны и Анны Николаевны, но теперь поведала. Старушки переглянулись. Дядя Ваня с Сережкой возмутились: как же так, кто-то тоже ищет наш клад? И занялся этим раньше нас?

– Клад не твой, – одернула я сына.

– Если мы хоть что-то найдем, он будет нашим общим. Мы – одна семья, – твердо заявила старшая Ваучская. – У нас с Ольгой, как тебе известно, Марина, никого нет. У Ивана – тоже. А вы с Сережей о нас в старости позаботитесь. Уже заботитесь. Если бы не ты, Марина, меня бы, может, уже на этом свете не было...

Анна Николаевна смахнула слезу. Я велела ей прекратить петь мне дифирамбы, хотя знала, что она имела в виду: полтора года назад Анна Николаевна сломала шейку бедра, поскользнувшись у самого парадного. Ольга Николаевна как раз в то время лежала с воспалением легких. Я месяц бегала из больницы в больницу, потом ухаживала за ними обеими дома. Выходила. Старушки теперь были здоровы – в той степени, в которой позволял их возраст. Именно после той их болезни они завещали мне свою комнату. Комната дяди Вани была завещана Сережке.

– Нам уже не нужны ни колье, ни бриллианты, – добавила младшая сестра. – Только на лекарства. Ты, Марина, не миллионерша, чтобы нам все время помогать. Но там всем хватит. Тем более Ваня дорогих напитков не употребляет, – она улыбнулась, – ему на его долю можно будет несколько лет пить.

– Если я норму не увеличу, – усмехнулся Иван Петрович.

– А там чего – золото и бриллианты?! – загорелись глаза у одиннадцатилетнего Сережки. – Во здорово! Настоящий клад? Баба Оля, баба Аня, а...

Его перебила председатель нашего квартирному собранию, предложившая для начала всем поклясться, что мы будем хранить тайну и не допустим к ней посторонних. Ни моих подруг, ни Сережкиных друзей-приятелей, ни Ваниных собутыльников.

– Чтоб мне больше ни грамма не выпить, – прижал к груди бутылку дядя Ваня.

– Чтоб у меня больше каникул не было, – сказал мой сын.

– Чтоб мне еще раз замуж выйти, – выпалила я.

Тут Сережка вспомнил папу, и мы все вместе впервые порадовались его необязательности и неорганизованности. День рождения у моего сына был в начале мая, и папа уже собрал ему компьютер (папа у нас многое может, если захочет), но до сих пор не удосужился его нам завезти. Очень, кстати, хорошо, что не удосужился. Но теперь ему следовало об этом напомнить. И было бы неплохо, если бы он отдал нам свой второй телевизор. Я предложила Сережке позвонить отцу, не откладывая дело в долгий ящик: о постигшем нас несчастье он еще не знал. Может, подвигнется хоть на какие-то действия.

Сережка заявил, что позвонит отцу завтра, – не желал даже на минуту быть исключенным из обсуждения наших планов.

Я поинтересовалась, что именно мы можем найти.

Сестры Ваучские этого сами в точности не знали – про клады они слышали от своей матери, когда та уже лежала, прикованная к постели. Вначале они считали, что Полина Александровна впала в маразм. Но говорила она очень связно. Наверное, сообразив, что уже не встанет, решила не уносить в могилу свою тайну. И рассказала дочерям историю семьи – так, как помнила сама. А потом упомянула и про клады – может, хоть у дочерей появится возможность до них добраться. Правда, сестры не представляли, как смогут взяться за поиски, даже не очень-то верили, что клад (или клады) спрятан где-то рядом, поэтому и не говорили нам про него раньше. Зачем травить душу?

Однако после пожара Анна Николаевна и Ольга Николаевна решили: или теперь, или никогда. Все равно надо делать ремонт. Так хоть нашу квартиру обобщем. Шанс есть.

Мы вопросительно посмотрели на сестер.

Во-первых, клад мог спрятать их дед, первый хозяин квартиры. Во-вторых, отец. В-третьих, родная сестра матери, Нина.

Я решила спросить, все ли они мертвы, а если да – то когда и где умерли.

Точного места смерти деда сестры не знали. Не знала его и их мать. Дед умер по дороге из Парижа в Петербург – простудился в пути. Мог умереть на территории Франции, мог – в России или в какой-нибудь другой стране, по которой проезжал, – в те годы самолетов еще не было, добирался он наземным транспортом. Одно было известно точно: до Петербурга дед не доехал.

– Но у него был тайник в квартире? – спросил дядя Ваня.

– Мог быть, – поправила Ольга Николаевна. – Но он мог вывезти сокровища и за пределы России.

Я спросила, в каком году он умер. Оказалось, что в тысяча девятьсот пятнадцатом. То есть еще не бежал от революции, вероятно, просто ездил по делам в Париж. Но тогда зачем ему понадобилось бы все вывозить? Рановато, если умер в пятнадцатом году, резонно заметила я.

Мое замечание было признано разумным. Следовательно, сокровища деда могли остаться в квартире.

– А усадьба у вас имелась? – явилась мне неожиданная мысль. – Ведь если дед что-то оставил, то мог закопать клад и в загородном доме, не так ли?

– У нас – уже нет, – улыбнулась Анна Николаевна. – Но у деда была.

Ольга Николаевна с Анной Николаевной соглашались лишь в том, что усадьба находилась в Новгородской губернии, но вот где именно, точно вспомнить не могли. В конце концов старушки заявили, что ее-то нам уж точно не найти, от нее наверняка ничего не осталось. Наверное, на том месте уже не один дом сменился. И не одни хозяева. Так что нам там копаться никто не даст, искать мы можем только в нашей квартире.

– Не будем спорить, – примирительным тоном проговорил дядя Ваня, наливая себе очередной стаканчик. – Начнем с квартиры. А там видно будет.

У меня возник естественный вопрос: а как быть с соседней квартирой, которая раньше составляла единое целое с нашей? Ведь клад с таким же успехом мог остаться и там. Председатель нашего квартирному собрания Ольга Николаевна заявила, что жить следует с сегодняшним днем. Вначале обследуем нашу часть. А чтобы зайти к соседям... Будем решать этот вопрос, когда потребуется. Если потребуется.

Я поинтересовалась: что именно мог оставить в тайнике этот самый дед Лукичев? Сестры Ваучские изложили версии их покойной матушки. Полина Александровна склонялась к мнению, что если дед что и оставил, то это были или монеты, или золото в слитках.

Очень недурственно, если бы что-то из этого мы смогли найти.

– Чем занимался дед? – спросила я.

Как я и предполагала, в нашем доме в дореволюционные времена проживали представители купеческого сословия. Дед возил из Парижа галантерею – имел галантерейную лавку на первом этаже нашего же дома.

Мать много рассказывала дочерям про деда. Талантливый был человек Александр Лукичев, царство ему небесное. Русский самородок. Купец-галантерейщик – а в душе инженер-изобретатель. Он нигде не учился специально инженерному делу, но постоянно что-то конструировал. Механизмы были его хобби. Полина Александровна хорошо помнила, что в разных частях квартиры имелись всякие встроенные в стены шкафчики, открывавшиеся нажатием на кнопки; полки выдвигались тоже после нажатия на что-то, мог поворачиваться стол... И вообще, весь наш дом строился по проекту деда Лукичева. Правда, все эти кнопки-пружинки наверняка теперь, после капитального ремонта, пришли в негодность.

– А может, и нет, – заметил Иван Петрович, другой русский самородок. – Зачем здесь ремонт делали? Чтобы квартиры перегородить. Сами-то старые стены никто не двигал, перекрытия не разбирали. Ну, обои новые поклеили, трубы поменяли – и все. Если тут что и перестраивали полностью, то только магазин.

– А в магазине он не мог?.. – одновременно спросили мы с Сережкой.

Ольга Николаевна с Анной Николаевной переглянулись. Пожалуй, эта мысль им в голову не приходила.

– Значит, придется и в магазине искать, – заявил Сережка.

– Так тебя туда и пустили, – остудила я пыл сына.

– В подвал залезть можно, – возразил он. – Мы с пацанами лазали.

Я уже хотела отругать ребенка, но сдержалась и стала прикидывать возможность обследования подвала. Иван Петрович тут же принялся допрашивать Сережку: не заделали ли лаз, через который мальчишки забирались в подвал, и сможет ли в него протиснуться кто-то из взрослых, – например, сам Иван Петрович в сопровождении Сережкиной мамы, то есть вместе со мной. Сын считал, что пролезет. А он будет указывать дорогу.

Иван Петрович спросил, чем торгуют в расположенном в нашем доме магазине, чем вызвал всеобщий смех.

– Ну, я точно знаю, что мне там покупать нечего, – развел он руками. – Когда открывали – зашел, осмотрелся. Больше не заглядывал. Чего хоть продают-то? Скажите. Завтра я сам схожу. Не сейчас же вниз бежать.

На первом этаже нашего дома теперь располагался магазин элитной одежды – на одно платье мне пришлось бы трубить на всех моих халтурах где-то месяца два, при условии что все это время я не ела бы и не пила. Однако ассортимент там регулярно обновлялся, и покупательницы заходили. Вернее, заезжали. Нырять к себе под арку, я иногда замечала, как они выпархивают из салонов дорогих иномарок и исчезают в магазине. Или выходят с фирменными пакетами и исчезают в этих самых салонах за тонированными стеклами.

Правда, магазин элитной одежды появился в нашем доме где-то год назад. До него были продукты питания. Надо отдать должное, тоже элитные. Я никогда ничего элитного не покупала. До продуктов питания была булочная с отделом обуви и, кажется, канцелярскими товарами. А до булочной... Не помню. И это только за те годы, что я живу в нашем доме.

– Но в магазин сходить все равно придется, – заявил дядя Ваня, глядя прямо на меня.

Естественно, в нашей квартире я была единственной кандидатурой, которая могла взять на себя подобную миссию.

– Покупать же необязательно, – добавил Сережка. – Мы, мам, вместе ходим. Примеришь чего-нибудь. А заодно с продавцами пообщаешься. А я осмотрюсь.

– Душу только травить, – пробурчала я.

Ольга Николаевна заметила, что если мы найдем клад – хотя бы один, – то я смогу покупать себе вещи в любом магазине. А под лежащий камень вода не течет. Надо искать. Всеми возможными способами.

– Но копать в магазине нам никто не даст! – закричала я. – Там же сигнализации напичкано!

Иван Петрович сказал, что сигнализацию он возьмет на себя. Что русскому народному умельцу какая-то импортная сигнализация?

Я все равно не понимала, как мы сможем добраться до магазина. С деловым предложением выступил мой сын. Он считал, что необходимо выяснить, кто является его владельцем, а потом каким-то образом искать на него выходы. Например, я могу с ним познакомиться. Очень мило.

– Кто будет выяснять? – уточнила Анна Николаевна.

Иван Петрович сказал, что «поспрашивает мужиков». Я заметила, что будет гораздо лучше, если он «поспрашивает» своих клиентов – как позовут что-то починить, пусть поинтересуется – как бы между прочим. Я же сама расспрошу продавщиц, когда буду производить рекогносцировку вместе с сыном. Ольга Николаевна обещала поговорить с бабками из соседнего двора.

Мы приняли план работы по магазину и перешли к следующему пункту повестки дня.

– Еще один клад мог оставить ваш отец? – перевела я взгляд с Ольги Николаевны на Анну Николаевну.

– Мой отец, – поправила меня старшая Ваучская.

Я с недоумением посмотрела на сестер. Рука дяди Ваня, уже приближавшаяся ко рту с очередной порцией смазки, зависла в воздухе. Сережка раскрыл рот, ничего не сказал и снова закрыл.

Оказалось, что Полина Александровна, мать обеих сестер, сообщила им перед смертью, что они – дочери от разных отцов. Ваучский – это фамилия отца Анны Николаевны, законной женой которого являлась Полина Александровна. С отцом Ольги Николаевны, погибшим на фронте во время Великой Отечественной войны, она в законном браке не состояла, потому что не знала, жив ли ее первый муж или нет. Второй дочери она дала свою фамилию по законному мужу; отцов обеих дочерей звали Николаями. И Анна, и Ольга всегда считали, что они – родные сестры, и только незадолго до смерти матери узнали, что сводные.

Родной отец Анны Николаевны в тысяча девятьсот четырнадцатом году уехал в Париж – во-первых, за товаром, во-вторых – показать Францию своему сыну от первого брака Алексею. Первая жена Николая Алексеевича умерла, он женился на Полине Александровне, которая родила ему дочь Анну. Какое-то время после отъезда в Париж он писал жене письма с обещаниями скорого возвращения, но так и не вернулся. Нельзя исключать варианта, что он встретил там другую женщину, – папенька был мужчина любвеобильный. Может, сумел быстро найти какую-то непыльную работенку – устраиваться в жизни он умел. В общем, Николай Алексеевич так и не вернулся из Парижа. Его там застала Первая мировая война, а затем революция. Следы его потерялись. Может, он и пытался разыскать Полину Александровну и Аню, но времена-то какие были.

– А он чем занимался? – спросила я. – Тоже – ленты, кружева, ботинки, как и дед?

– Дед – изначальный владелец квартиры – это отец матери, – пояснила Анна Николаевна. – То есть наш общий дед, который отдал маменьку за отца только из-за дворянского титула. Но, кроме титула, у отца ничего не было. У Александра Лукичева имелись деньги, но он хотел титула для своих внуков. Так и договорились. Дед взял зятя в дело. Правда, у Николая Алексеевича плохо получалось. В лавке торговали маменька с бабушкой. Дед занимался закупкой товара, решал организационные вопросы, ну и своему хобби посвящал немало времени. Отец был лишь на подхвате.

– Но как он мог оставить клад? – не понимала я. – У него же, наверное, не было крупных сумм.

– Тут дело темное... – протянула Ольга Николаевна.

Мы с Иваном Петровичем попросили сестер рассказать все, что им известно.

Полина Александровна сама точно не знала, но высказывала предположение, что мать ее мужа завещала единственному сыну кое-какие драгоценности – то небольшое, что оставалось в их семье.

Имелась еще одна версия...

Сестрам явно не хотелось об этом говорить, но, решив нам открыться, они пошли до конца.

У Нины, младшей сестры матери, тоже был муж. Выдав старшую дочь за обладателя титула, дед решил, что совершил ошибку, и намеревался ни в коем случае не повторять ее с младшей. Лукичев решил, что толковый купец в качестве зятя все-таки гораздо лучше бесполового дворянина. Для Нины он нашел достойного, хотя и нетитулованного мужчину, обладавшего немалыми средствами и деловыми качествами, что дед особо высоко ценил. Нина его не любила, более того, он был ей неприятен, однако воспротивиться воле отца она не могла. Потом с мужем Нины стали происходить какие-то несчастья, и в конце концов он... исчез. Его долго искали, но так и не нашли. А Нина уехала отдыхать на воды. Поправлять пошатнувшееся здоровье – вроде бы как от расстроенных чувств. Как и Николай Алексеевич, в Россию она не вернулась.

– Я чего-то недопонял, – признался Иван Петрович.

– Ваша матушка считала, что ее муж и Нина... – Я вопросительно посмотрела на сестер.

– У нее возникли такие подозрения, – кивнула Анна Николаевна. – Только доказательств не было.

Полина Александровна не исключала, что ее муж и сестра выехали за границу, заранее сговорившись. Там их застала революция, и они решили остаться во Франции навсегда. Но они же могли убить и ограбить мужа Нины... Он исчез незадолго до отъезда Николая Алексеевича. Возможно, они собирались вернуться в Россию и вывезли с собой не все... А значит, не исключено, что кое-что осталось в Петербурге. В квартире, где они оба проживали. Где остались Полина Александровна и маленькая Аня.

У Нины было немало драгоценностей. До самой своей смерти Полина Александровна помнила бриллиантовое кольцо, подаренное женихом ее младшей сестре перед свадьбой. В семье Ваучских даже сохранилась старая фотография на толстом картоне, сделанная в фотосалоне на Большом проспекте Петроградской стороны, – наверное, ближайшем к дому деда. Там Нина сидит в роскошном бальном платье, на обнаженной шее у нее блистает кольцо, а за ее спиной стоит Савватей Митрофанович, ее муж.

Ольга Николаевна принесла этот снимок и продемонстрировала нам. Поскольку в те времена о цветной фотографии еще никто не слышал, мы не смогли по-настоящему восхититься красотой старинной вещи, да и изображение было не самым крупным. Однако фотограф «Э. Брейеръ» разместил Нину таким образом, что кольцо оказалось точно по центру снимка и бросалось в глаза при первом же взгляде на фото.

Почему-то Полина Александровна была уверена, что ее сестра не увезла кольцо с собой. Помогая Нине собираться, Полина Александровна сказала, что не следует брать такую дорогую вещь на воды. Нина твердо ответила, что вообще никаких драгоценностей с собой не берет, хотя могла и обмануть. А могла и в самом деле не взять, оставить в квартире, поскольку больше было негде. После исчезновения мужа Нина жила у родителей.

В общем, не исключалось, что драгоценности находились где-то рядом.

Но все могло оказаться и поисками иголки в стоге сена. Следовало подготовиться и к такому варианту.

Иван Петрович вспомнил про увиденный мною скелет. Анна Николаевна покачала головой. Мог он там стоять с пятнадцатого года? В принципе – да, не рассыпался бы. Но как бы Нина заложила его кирпичами? Скрыть это от проживавших в квартире родственников и слуг было бы невозможно. Это же работы не на один час. Скелет наверняка относился к более позднему времени. Но вот ниша, в которой его нашли...

Мы дружно вскрикнули, подумав, что люди, прятавшие скелет, возможно, нашли наши драгоценности. И труп спрятали, и денежками – или драгоценностями – поживились. Все мы были искренне возмущены.

– Все равно нужно выяснять, чей скелет, – заметил Иван Петрович.

– Как? – спросила я.

Сережка высказал предположение, что следователи к нам еще нагрянут. Вот их и спросим. Как бы из любопытства. И еще Сережка с пацанами во дворе поговорит. Дядя Ваня – с «мужиками». Ольга Николаевна – с бабульками. Я – со своими многочисленными знакомыми и учениками. Что-то разузнаем, а там видно будет. Может, начнем искать тех, кто этот скелет в нишу прятал, и требовать у них отдачи долга. Также требовалось срочно выяснить, кто купил соседнюю квартиру.

Завершая наше квартирное собрание, мы приняли решение: работаем сразу же по нескольким направлениям, но первым делом следовало сорвать со стен остатки обоев и внимательно их обследовать. Стены в смысле. В нашей части квартиры деда Лукичева. Простучать каждый сантиметр.

Предстоящие дни обещали быть очень насыщенными.

Глава 3

30 июня, вторник

На нашем следующем квартирном собрании мы обсуждали, с какой комнаты начинать обследование, то есть обстукивание стен.

Иван Петрович спросил у сестер Ваучских, что представляла собой каждая из комнат нашей коммуналки изначально: кто именно в них жил, как они назывались, и все прочее.

Ольга Николаевна воскликнула, что она родилась только в двадцать пятом году – откуда ей знать, что тут где размещалось до революции. Анна Николаевна заметила, что на момент, когда грянула Великая Октябрьская, ей было всего четыре года.

– Но ведь ваша мать могла вам что-то рассказывать, – заметила я.

Должна же была Полина Александровна хоть вскользь о чем-то упомянуть? Не могла она не вздыхать по былым временам, когда вся квартира принадлежала их семье.

Я предложила, чтобы мы все вместе обратились к логике. Комната, в которой теперь жил Иван Петрович, была темной – окно прорубили во время капитального ремонта. Значит, раньше использовалась как кладовка.

Ольга Николаевна и Анна Николаевна напрягли память. И, конечно, кое-что всплыло. Сами сестры теперь занимали бывшую комнату прислуги. Маменька еще возмущалась, что они были вынуждены в нее переселиться. Правда, комната была площадью восемнадцать квадратных метров – неплохо для прислуги, но если учесть, что остальные жилые, занимаемые хозяевами, насчитывали не меньше двадцати двух каждая... Наша с Сережкой аж целых двадцать пять. Она у нас разделена мною же установленной стеной – чтобы у нас с сыном получились изолированные помещения.

Сестры Ваучские считали, что наша с Сережкой комната в старые добрые времена являлась спальней их маменьки с папенькой.

– И выходила во двор-«колодец»? – усмехнулся Иван Петрович. – На помойку? И с входом из «черного» коридора?

Сестры не были уверены, что в нашем дворе до революции находилась помойка. В любом случае, дворники тогда работали не в пример нынешним, и засаленная бумага, гниющие овощи и прочие прелести не были частью пейзажа подобных старых дворов.

Как я уже говорила, мы, в отличие от других подобных дворов, оказались в очень выигрышном положении: владелец ночного клуба господин Стрельцов установил у нас новомодное строение, резко отличающееся от того, что имелось во всех соседних дворах. К нам даже на экскурсии ходили бабки и детки. Но никто из окрестных домов скинуться на подобное сооружение не пожелал, люди предпочитали страдать от мух и запахов. Мы же теперь спокойно открывали окна.

Так могла это быть спальня хозяев или не могла? Если нет, то что еще могло размещаться в нашей с Сережкой комнате до революции? Что еще должно было быть? Гостиная – обязательно. Комната Нины, младшей сестры Полины Александровны. Комната деда с бабушкой. И, предположим, еще одна гостиная. Или детская.

– Они что, тогда тоже все вместе жили? – подал голос мой сын. – Бабушки, дедушки, мамы, папы и дети?

– Что значит – тоже? – повернулась я к сыну. – Ты, можно подумать, когда-то жил всем скопом.

Сережка заметил, что мы – исключение, а все его друзья живут с бабушками и дедушками. Мои отношения с родителями всегда были натянутыми, и я при первой же возможности выскочила замуж – за первую попавшуюся кандидатуру, каковой оказался Сережкин отец. Вышла, чтобы вырваться из-под родительской опеки. Женить его на себе оказалось

делом несложным даже для такой неопытной девчонки, какой я была двенадцать лет назад. Женя – человек хороший, но слабый, безвольный и медлительный.

Наверное, он стал таким благодаря своей властной матери, которую я, к своему счастью, в живых уже не застала. Его отец, сколько Женя себя помнил, всегда тихо упивался до бесчувственного состояния, не в силах противоречить супруге. Мать держала единственного сына в ежовых рукавицах, не позволяя проявлять инициативу, и он стал тряпкой. Примерно через два месяца после смерти Жениной матери на горизонте появилась я.

Для сильной женщины взять этого бычка за рожки труда не составляет, что уже имело место некоторое число раз. Про три мне известно точно. В общем, используют его бабы в своих целях. Со стыдом вынуждена признаться, что я тоже это сделала и таким образом своих целей достигла. У Евгения на момент нашего знакомства была отдельная двухкомнатная квартира, доставшаяся ему от родителей. Потом мы ее разменяли – и мы с Сережкой оказались в той комнате, где жили теперь, а Евгений Юрьевич – в четырнадцатиметровой однокомнатной. Я предпочла большую комнату, да и совесть, откровенно говоря, мучила: пусть уж бывший живет в отдельной квартире, хоть и такой жуткой, как у него.

Сестры Ваучские напомнили нам, что их папеньку дед взял в семью, чтобы получить дворянский титул для своих внуков и передать ему дело. Внуков, правда, он не дождался, вообще видел только одну внучку – Анну. А сын зятя Алексей деду родней не являлся. Мальчик воспитывался у матери Николая Алексеевича после смерти первой жены папеньки.

Выводы мы сделали следующие. В квартире было семь жилых комнат. За вычетом комнаты прислуги (где теперь проживали старушки), семья занимала шесть.

– Комнаты дочерей выходили во двор, – высказал свое мнение Иван Петрович. – А может, и спальня хозяев. Во дворе же тихо, а там-то под окнами – трамвай, машины...

– Ваня, ты хоть думаешь, что говоришь?! – всплеснула руками Ольга Николаевна. – Какие машины? Какой трамвай? Ты еще экскурсионный вертолет у Петропавловки вспомни.

– Трамваи и машины в те годы уже существовали, – заметила Анна Николаевна.

У нас разгорелся жаркий спор. Было бы из-за чего – ведь время появления в нашем городе машин и трамваев не имело никакого отношения к решаемой нами проблеме. Мы же просто пытались определить, в какой комнате родственники сестер Ваучских могли спрятать сокровища.

В конце концов мы достигли консенсуса. Комнаты нашей квартиры не могли быть парадными. Едва ли их занимал дед. То есть это скорее всего были комнаты дочерей, которые потом, возможно, были отданы «молодым» то есть Полине Александровне и ее мужу Николаю Алексеевичу, которого купец Лукичев взял в семью.

– Так, значит, клад у нас искать бессмысленно? – погрузился мой сын.

– Ничего не бессмысленно! – закричала я.

Меня поддержали сестры Ваучские, утверждавшие, что нужно использовать все шансы и возможности. Обследовать квартиру все равно стоит.

Я предложила начать с комнаты Ивана Петровича. Ведь клад могли спрятать и там.

Дядя Ваня тотчас же поднялся и пошел к себе в комнату. Мы дружную толпой последовали за ним.

Мебели у Ивана Петровича было немного, и для нас троих – дяди Вани, Сережки и меня – не составило труда вытащить большую ее часть в прихожую, куда выходила комната дяди Вани; прихожая у нас квадратная и довольно просторная. Мы оставили небольшой проход, расставив дяди Ванино добро по стеночкам, кое-что осталось в центре его комнаты. После чего стали сдирать остатки обоев со стен. Мурзик вертелся под ногами, зарывался в лежавшую на полу бумагу, рвал ее когтями и растаскивал по всей квартире.

Ольга Николаевна подключилась к нам, сожалея, что мы не сделали этого, пока обои были еще сырые: тогда они сдирались бы гораздо лучше. Но три дня назад никто из нас еще и не думал заниматься поисками клада.

Все дружно порадовались, что потолок у нас не четыре пятьдесят, как в некоторых старых домах, а всего лишь три десять. Стремянка в квартире имелась, правда, никто не помнил, откуда она взялась.

Наконец все обои были сорваны и лежали кучей в коридоре, ведущем в кухню и нашу с Сережкой комнату (самую дальнюю), где по одной стене стояли выделенные директрисой школы банки с краской плюс еще кое-какое строительное добро. Да, бардак в нашей квартире был знатный...

Сережка сбегал к нам в комнату и принес лупу – чтобы осматривать стены и все подозрительные дырочки в них. Ольга Николаевна нацепила на нос очки. Мы с дядей Ваней никакими приборами не пользовались. Иван Петрович и Ольга Николаевна взяли на себя правую от двери стену: дядя Ваня верхнюю часть, Ольга Николаевна – нижнюю. Мы с Сережкой – левую. Поскольку второй стремянки не было, я стояла на стуле. Мы рассматривали каждый сантиметр стены, постукивали по ней, нажимали на нее в надежде обнаружить потайной рычажок.

Неожиданно в дверь позвонили. Мы все так и застыли на своих местах. Кого принесла нечистая?

В комнату тут же заглянула Анна Николаевна и поинтересовалась: открывать или нет? Иван Петрович слез со стремянки и, прикрыв за собой дверь, направился вместе с Анной Николаевной в прихожую. Мы втроем остались у него в комнате. Напряженно прислушивались.

– Ты папе звонил? – шепотом спросила я у сына.

Сережка кивнул и сообщил, что папа обещал приехать завтра с компьютером и телевизором. То есть в лучшем случае через неделю.

В коридоре послышался мужской голос. Мы переглянулись. Голос был незнакомым. Анна Николаевна приглашала гостя на кухню. Как только незнакомец проследовал мимо комнаты дяди Вани, я велела Сережке сходить на разведку. Он вскоре вернулся и сообщил, что пришел «дядя милиционер». Мы с Ольгой Николаевной решили поучаствовать в беседе с представителем органов правопорядка и выяснить, что ему от нас нужно. Я предполагала, что он из следственной бригады, расследующей причины пожара или появление скелета у соседей. Причины пожара меня совершенно не интересовали – по-моему, тут и так все было ясно, а вот насчет скелета имелся ряд вопросов. Чего ж не попробовать разговорить следователя?

Визитер – рыжеватый мужчина – сидел к нам спиной за столом, установленным в центре кухни, где мы обычно проводим наши квартирные совещания. Он уже приготовил лист бумаги и ручку. Анна Николаевна и Иван Петрович расположились на своих обычных местах. Мужчина повернулся на звук наших шагов. Я с удивлением узнала отца одного из закоренелых двоечников и хулиганов, которого лично дважды вызывала в школу. Вообще-то я не имею такой склонности, тем более работаю лишь почасовиком, но в случае Вадика Безруких...

– Марина Сергеевна?! – господин Безруких раскрыл рот от изумления. – А вы тут... живете?

– Как видите, – кивнула я, также усаживаясь за стол. – Как Вадик?

Вадик был отправлен в деревню к бабушке – от греха подальше. Отцу не хотелось оставлять его на лето в городе, где гораздо больше искушений, чем в деревне.

– А вы... в милиции работаете? – искренне удивилась я.

Безруких кивнул и признался, что даже не представляет, в кого пошел отпрыск. Наверное, сыграла свою роль среда обитания. Но, может, через «пару годочков» успокоится? А там уже и до армии недалеко. А уж в армии из него человека сделают. Ох уж эта надежда на армию...

Ольга Николаевна тем временем вскипятила чайник. Иван Петрович с Сережкой расставили чашки, и мы дружно приготовились слушать капитана Безруких. Он, правда, хотел слушать нас, но не знал, что мы, не сговариваясь, мысленно приняли единогласное решение: не отпускать капитана, пока не вытянем из него все, что ему известно. Зачем делать ту работу, которую за тебя может выполнить другой? Капитан и представляемые им органы, естественно, обладали большими возможностями, чем мы; нас же интересовал лишь результат их усилий. Вот его мы намеревались узнать любой ценой. А если мы нашей дружной квартирой за что возьмемся...

Ольга Николаевна наступила мне под столом на ногу. Я наступила Сережке. Он – Ивану Петровичу. Иван Петрович – Анне Николаевне. Мы все поняли друг друга без слов.

– Как вы тут? – тем временем спрашивал Безруких, оглядывая стены в подтеках. Проследовав в кухню, он увидел в коридоре кучу только что сорванных обоев, банки с краской и прочее барахло. Да и в прихожей у нас теперь стояло невесть что.

– Сушимся, ремонтируемся, – ответила я неопределенно.

Остальные жильцы нашей коммуналки сокрушенно покачали головами, поохали, поахали, помянули недобрым словом алкашей-художников, но потом признали: о мертвых надо или хорошо, или никак.

Капитан, почувствовав себя в теплой домашней обстановке, где его принимали как старого доброго знакомого, рассказал: останки опознать с полной достоверностью не удалось, но есть все основания предполагать, что это – двое художников, постоянно обитавших в мастерской. Третий, проживающий у жены, на опознание приходил, но, естественно, ничего сказать не смог. В том, что осталось от его приятелей, узнать кого-либо было трудно. Правда, он сообщил, что его приятели вроде бы собирались провести вечерок за бутылочкой. Наверное, заснули с непогашенной сигаретой.

Я вспомнила, что в ночь с пятницы на субботу над нами слышались шумы. Безруких тут же внес мои «показания» в протокол. Дело для него было ясным, следовало только все оформить должным образом.

– А взорвалось у них чего? – спросил мой сын, глядя невинными глазами на милиционера.

Безруких не знал точно – этим занимались специалисты, но высказал свое мнение. Предположил, что какие-то химикаты, используемые художниками в работе. Вызванный к следователю третий художник не мог толком вспомнить, что хранилось у них в мастерской. Безруких не собирался заострять на этом внимание, только поинтересовался, не обвалилось ли у нас чего от взрыва. Мы ответили, что только немного штукатурки да статуэтки побились.

Потом я спросила про скелет, сообщив, что меня приглашали зайти в соседнюю квартиру после пожара.

– Может, это старый хозяин от большевиков прятался, да так и не смог выбраться? – честными глазами посмотрел на капитана дядя Ваня. – Или кто в тридцать седьмом году скрывался?

– Или они в прятки играли, как в одной сказке. Мама, помнишь, ты мне читала? Девушка там еще в сундуке осталась, а ее нашли только спустя много лет. И ее привидение бродило по замку.

Капитан рассмеялся. Мы все смотрели на него выжидательно. Как сообщил Безруких, по предварительной версии, скелету было не более пяти лет.

Я с невиннейшим видом поинтересовалась, кто купил соседнюю с нами квартиру.

– Французы, – сказал Безруких. – Но их сейчас нет в России. Уехали несколько дней назад.

Мы все молча открыли рты. Потом опять стали наступать друг другу на ноги. Под столом, разумеется.

– Французы?! – переспросила я. – Но как же...

– Наверное, решили сделать ремонт. Они тут работают в одном представительстве. Кстати, в строительной компании. Банк они на Невском строили. Может, знаете?

Я кивнула. У тех французов я даже несколько раз подрабатывала на переговорах. Только понятия не имела, кто из них купил квартиру по соседству со мной. Правда, с парадного подъезда в наш дом я не заходила: мне там нечего было делать. Но в фирму все же неплохо бы позвонить...

– Теперь элитную гостиницу строят, – продолжал капитан. – А сейчас в отпуск уехали. На родину. Скоро вернуться. Наверное, побоялись в органы сообщать о скелете. А может, даже не видели его. Скорее всего мастера, которые ремонт делают, его обнаружили и сбежали. Мне эта версия представляется наиболее вероятной. Французы наняли рабочих, чтобы те отделали апартаменты к их возвращению. А тут такое... Но все равно нам придется их допрашивать, как приедут. Надо же узнать хотя бы, кого именно они нанимали для проведения работ.

Я заметила, что мастера ни в чем не виноваты, – если, как утверждает капитан, скелету около пяти лет. Безруких возразил, что они все равно должны были сообщить в органы о его наличии. Мы стали дружно защищать ни в чем не повинных мастеров. Капитан с нами в конце концов согласился, чисто по-человечески понимая реакцию рабочих, увидевших скелет. Потом он поинтересовался: не знали ли мы тех, кто проживал в соседней квартире до недавнего времени, и почему они ее продали?

Насколько мне было известно, эти люди эмигрировали, причем именно во Францию. Может, там покупателей не нашли? Их дочь, с которой я занималась французским, хорошо играла в большой теннис. Родители решили сделать ставку на ее теннисную карьеру.

Юрий Анатольевич Заславский, предыдущий хозяин квартиры, сам в молодости занимался большим теннисом, потом немного тренировал, а затем подался в бизнес, стал одним из учредителей какого-то спортивного фонда, пользовавшегося таможенными и налоговыми льготами. Потом у него вроде бы возникли какие-то проблемы в связи с этим фондом (меня лично слово «фонд» вообще всегда настораживает). Деталей я, конечно, не знала, хотя Заславские от меня не скрывали своих намерений перебраться во Францию и просили усиленно заниматься языком с их дочерью и с ними. Насколько я поняла, одно наложило на другое: возможность дочери стать известной теннисисткой и желание отца уехать из России, подальше от возникших проблем (не исключено, что и кредиторов). Мог ли скелет появиться благодаря усилиям Юрия Заславского? Трудно сказать. На убийцу он не походил. С другой стороны, я плохо себе представляла, как должны выглядеть убийцы. В общем, Юрий был мне симпатичен: всегда приветливый, неунывающий и щедрый. Желание семьи Заславских покинуть Россию я вполне понимала.

Безруких все тщательно записал.

– Я не уверена, что Заславские здесь прожили пять лет, – неожиданно сказала Ольга Николаевна.

Мы все тут же повернулись к ней. Ольга Николаевна призвала Анну Николаевну вспомнить, что до семьи с дочерью-теннисисткой были другие. Только вот когда? Капитальный ремонт делали лет пятнадцать назад, в квартире сменилось несколько семей, причем никто долго не задерживался.

– Их, наверное, привидение пугало, – вставил мой сын.

- Какие привидения, Сережа?! – воскликнула я. – Ты живешь в конце двадцатого века!
- Очень может быть, – поддержала Сережку Анна Николаевна. – Я верю в привидения.

И много про них слышала. Самой, правда, встречать не доводилось...

Мы заговорили о привидениях и прочих аномальных явлениях. Капитан милиции принимал живейшее участие в разговоре. Анна Николаевна с Ольгой Николаевной пытались припомнить, кто жил с нами по соседству. Я же с жильцами нашего дома особо не общалась (только в последние два года давала уроки Заславским и сыну директора ночного клуба), так что не могла сказать, кто раньше обитал за стеной. После капитального ремонта Ваучские насчитали четыре семьи. Капитан заявил, что выяснит эти данные в жилконторе. Мы дружно попросили сообщать нам о ходе расследования – как бы из чисто праздного любопытства. В обязанности капитана милиции, конечно, не входит сообщать учительнице его непутевого сына о ходе расследования, не исключено, что это даже запрещено, но почему бы не удовлетворить женское любопытство? Может, я его лишний раз в школу вызывать не буду. И перед другими учителями словечко замолвлю...

Мы с Ольгой Николаевной старались. Подливали капитану чай, предлагали варенье. В результате вытянули из него все, что он знал по делу к настоящему моменту, и заручились его обещанием посетить нас, как только он узнает что-то новое и интересное.

Наконец мы распрощались.

Как только за Безруких закрылась дверь, дядя Ваня заявил, что за упокой души художников надо бы выпить и он отправляется за «пузырем». Мы понимали: отговаривать его бессмысленно.

Иван Петрович ушел, а я попросила старушек снова напрячь память. Кто еще проживал в соседней с нами квартире? Иван Петрович здесь последние семь лет, вернувшись из мест не столь отдаленных и сумев прописаться назад к матери, которая умерла три года назад. Но он не обращал внимания на соседей, если они не могли составить ему компанию в распитии горячительных напитков. Чего от него ждать, если он даже не знает, какой у нас магазин в доме?

Как сказали Ваучские, одни уехали то ли в Израиль, то ли в США. «Что это все эмигрируют?» – подумала я, но удержалась от комментариев вслух. А еще двое поменялись. Только вот куда...

В конце концов мы решили ждать следующего появления Безруких. В крайнем случае я ему сама могла позвонить.

- А что нам дадут адреса новых жильцов? – спросила Ольга Николаевна.

– Но, Оля! – воскликнула старшая сестра. – Мы будем точно знать, у кого требовать наши деньги!

- Как вы себе это представляете? – спросила я у Анны Николаевны.

Во-первых, требовать в принципе можно только с того, кто спрятал в нише труп. И заодно, возможно, нашел сокровища. Или вначале нашел сокровища, знал про нишу, а когда потребовалось спрятать труп, воспользовался ею. Но нужно точно знать, чей это труп и кто его прятал. Мы сами навряд ли сможем это разузнать, пусть родная милиция поработает. Так что надо ждать следующего явления капитана. Во-вторых, как мы будем требовать? Мужской силы в нашей компании – только дядя Ваня. А у воров могут оказаться в распоряжении неограниченные ресурсы.

- Если в нише был клад, то прятал его дед, – заявила Анна Николаевна.

Квартира-то дедова, он ее проектировал и, следовательно, должен был знать про все укромные уголки. Нина с папенькой могли сделать тайники в полу. Или в печках. Но выбить целую нишу, в которой можно было бы поставить человека, они не могли. Наверное, нишу сделали на заказ во время возведения всего дома.

Анна Николаевна с грустью посмотрела на облицованную плитками печь, стоящую в углу кухни.

– Придется разбирать, – сказала она.

Я тоже вздохнула, подумав о такой же печи в моей комнате. Таких плиток мы теперь нигде не найдем.

Затем Ольга Николаевна завела свою любимую песню – о замужестве (моем). Стоило какому-либо мужчине появиться в нашей квартире – по какому угодно поводу, – как эта тема поднималась. Правда, на этот раз я довольно резко оборвала соседку, заметив, что Безруких имеет семью, его сын у меня учится и вообще капитан нужен нам всем для дела, а деловые и интимные отношения лучше не совмещать. К моему удивлению, меня поддержала Анна Николаевна.

Вскоре вернулся Иван Петрович. Уже веселенький. Заявил, что завтра ему придется идти собирать бутылки – деньги кончились, а в последнее время заказов на ремонт поступало мало: народ по дачам разъехался. Мы друженько затолкали дядю Ваню в его комнату, где кровать теперь стояла посередине. Иван Петрович исполнил что-то из народных песен – в отрывках – и погрузился в сладкий сон.

Сережка в очередной раз позвонил папе – напомнить, что у нас не работает затопленный телевизор и нам нужен или новый, или чтобы папа отремонтировал этот. Загружать Ивана Петровича, который с меня денег никогда не брал, ремонтом нашего телевизора не хотелось: ему предстояло заниматься своим собственным и принадлежащим старушкам Ваучским; да и нечего ему отрывать время от кладоискательства на то, что вполне по силам моему бывшему. Должен же быть с Жени какой-то толк или как? Папа опять обещал приехать завтра, что, как я уже говорила, у него в лучшем случае означало через неделю.

Мы с Ольгой Николаевной занялись стиркой, решив перестирывать все вещи, остававшиеся в квартире и промокшие во время тушения пожара. Анна Николаевна легла, а Сережка заявил, что займется простукиванием печки, стоящей в нашей с ним комнате.

Не прошло и четверти часа, как в ванную влетел радостный Сережка с сияющими глазами. Вслед за ним ворвался кот – в таком же расположении духа.

– Мама! Баба Оля! Пошли! Там у плитки звук не тот! Пойдемте! Скорее!

Мой ребенок задыхался от нетерпения. Кот запрыгнул на стиральную машину, с нее взлетел на шкафчик с туалетными принадлежностями, сбросил все сверху, потом проследовал в обратном направлении и понесся в нашу с Сережкой комнату. Мы с Ольгой Николаевной бросили стирку и устремились за ним.

– Вот! Слушайте! – показывал Сережка.

Он стоял на стуле и стучал костяшками пальцев по плиткам. Звук у одной и в самом деле был другой.

Мы с Ольгой Николаевной переглянулись.

– Где у нас молоток? – спросила она.

Инструменты обычно хранились в комнате у Ивана Петровича, правда, теперь были вынесены в прихожую. Как только я взяла молоток в руку, в дверь позвонили.

Держа молоток в правой руке, я левой отодвинула защелку и распахнула дверь. И застыла на месте. С поднятым молотком. Ночной гость тоже застыл при виде дамы, вооруженной мини-кувалдой.

– Вы – привидение? – с глупейшим, должно быть, видом спросила я, очевидно, под впечатлением недавних разговоров.

– Простите, можно у вас переночевать? – вежливо поинтересовалось привидение.

Это был художник Вася, неопознанные останки которого вроде бы должны были лежать в каком-то морге.

Кот подошел к привидению и в качестве приветствия укусил за ногу. Привидение взвизгнуло вполне человеческим голосом. Кот с чувством исполненного долга удалился.

Внизу хлопнула входная дверь в парадное. Несколько пар ног быстро взбегали вверх по лестнице. Буркнув «простите», Вася оттолкнул меня, заскочил в квартиру и закрыл дверь на все замки. После чего положил на пол небольшой рюкзачок. И тут же рухнул сам, потеряв сознание.

Я увидела, что левая сторона его джинсовой куртки пропитана кровью.

Глава 4

30 июня, вечер и ночь

Я растерялась. В прихожей появилась Ольга Николаевна.

– Кто?.. – открыла она рот и тут же закрыла, заметив лежавшего на полу окровавленного Васю.

Бежавшие вверх по лестнице люди (лифт до сих пор не работал) остановились на нашей площадке. Дверь у нас прочная, металлическая, но слышимость сквозь нее прекрасная. Мужские голоса обсуждали, «куда он мог деться».

Мы с Ольгой Николаевной молча переглянулись. Вася лежал неподвижный. В прихожей возник мой сын, оценил обстановку, прислушался. Вслед за Сережкой тяжелой поступью пришла Анна Николаевна. Шествие замыкал кот.

Что-то надо было делать. В Анне Николаевне, хирурге по профессии, заговорил профессиональный долг. Кряхтя, она опустилась на колени перед лежавшим без движения Васей и пощупала пульс. Я молилась – только бы был жив. Еще трупа не хватало нам в квартире. Раненый мужик, правда, тоже был излишеством, но это все же лучше, чем покойник. Голоса на площадке стали удаляться. Пожалуй, молодцы решили подняться повыше – к обгоревшей мастерской.

Кот обнюхивал «привидение», видимо размышляя: укусить его за вторую ногу или воздержаться?

– Жив, – шепотом констатировала Анна Николаевна. – Оля, принеси мой чемоданчик. Марина, его надо бы перенести... – Анна Николаевна осмотрелась и добавила: – А вот... хотя бы на диван Ивана Петровича.

Я сказала бы, что это не диван, а остатки дивана, вытащенные сегодня нами из комнаты дяди Вани. У ложа не хватало одной ручки – словно на нем спал какой-то баскетболист, желавший во всю длину вытягивать ноги. Взглянув же на середину дивана, можно было подумать, что его драл разъяренный лев или шайка взбесившихся котов, пытавшихся добраться до вожделенной мыши, спрятавшейся где-то между пружинами. Обычно эти ошметки прикрывал коврик, но где он теперь находился, мы не знали. В спинке был провал – то ли от спины Ивана Петровича, то ли от всех спин, когда-либо откидывавшихся на многострадальный диван.

Я велела сыну принести простыню, чтобы прикрыть середину дивана (да и не класть же раненого на грязное?), а потом прикинула: как же я все-таки подниму Васю? Мужичонка хоть он и не крупный, но мне одной будет сложно с ним справиться, будить же Ивана Петровича – себе дороже. Тут не то что раненый Вася, любой здоровый человек успеет концы отдать, пока дядя Ваня пробудится после принятия дозы, в частности, после поминовения того же Васи и его приятеля. Рассчитывать на помощь старушек, сына и кота особо не приходилось.

Сережка появился с простыней и накрыл ею диванчик. Тут пришла Ольга Николаевна, сообщившая, что после пожара ничего не найти. Правда, докторский чемоданчик Анны Николаевны она отыскала, хоть и с трудом.

Я подхватила Васю под руки, Ольга Николаевна, вызвавшаяся помочь, пристроилась сзади и подхватила его под ноги. Сережка был бы рад помочь нам сбоку, но это не представлялось возможным: вся прихожая была заставлена барахлом Ивана Петровича, а Вася рухнул аккурат в оставленный проход. С грехом пополам мы добрались до диванчика – хотя идти-то было всего шагов семь, – при этом дважды чуть не уронили раненого. Вася подал признаки жизни и застонал. Наконец мы водрузили его на приготовленное ложе.

Анна Николаевна сходила вымыть руки и теперь отдавала приказания. Сережка с Ольгой Николаевной бегали, выполняя ее задания, а я тем временем разрешила на Васе джинсовую куртку. Он стонал, но глаза не открывал. Анна Николаевна уселась на табуретку рядом с диванчиком и осмотрела Васину рану. Зрелище было наимерзейшее, я поняла, что никогда не смогла бы работать врачом. От вида крови я сознания не теряла, но копаться в человеческом теле... Бр-р-р!

– Пулевое, – констатировала старшая Ваучская. – Придется оперировать.

– Здесь? – обалдела я.

– У тебя есть другие предложения, Марина? – посмотрела на меня поверх очков Анна Николаевна.

Других предложений у меня, естественно, не было. Но все же... Ведь Анне Николаевне восемьдесят пять... Я, конечно, промолчала, но, откровенно говоря, усомнилась в ее возможностях – пусть она даже когда-то и была прекрасным хирургом.

Анна Николаевна велела младшей сестре прокипятить инструменты. На лестнице снова послышался топот. Мы все замерли. К нам в дверь позвонили. Позвонили несколько раз. Первым отреагировал Сережка. Приложив палец к губам – чтобы мы молчали, – он направился к двери.

– Кто там? – спросил мой сын тоненьким детским голосочком.

За дверью, наверное, опешили. Потом поинтересовались, кто есть дома. Сережка сообщил, что мама и папа в гостях, а ему незнакомым людям дверь открывать запрещают, так что если дядя пришел к родителям, то пусть ждет их возвращения на лестнице или приходит завтра. Или скажет, что передать. Сережа не забудет.

За дверью вполголоса выругались, но пришли к выводу, что «сюда не мог пойти», после чего удалились. Мы вздохнули с облегчением. Правда, через несколько минут Ольга Николаевна спросила, что делать, если «они» проверят, кто здесь живет.

– Где они проверять-то будут?! – воскликнула я.

– Да хоть в жилконторе. Сунут взятку – и им все скажут.

Я рекомендовала Ольге Николаевне взглянуть на часы: все жилконторы давно закрыты. А завтра... И вообще, надо жить только сегодняшним днем, а то планируешь, планируешь, а в результате получается неизвестно что. Я вот распланировала жизнь с понедельника, думала, что буду в отпуске делать. Но разборка стен в квартире и «привидение» с пулевым ранением у меня на пороге – все это в планы никак не входило. Однако вот, пожалуйста...

– Но если все-таки завтра... – не унималась Ольга Николаевна.

– Бандиты придут? – посмотрела на нее поверх очков Анна Николаевна, уже промывавшая рану Васе. – Мы – люди пожилые, спали. Сосед – пьяный, тоже спал, а ребенок говорил то, что ему велено. Ребенок, ты понял?

Сережка кивнул.

– А вообще, ты молодец, Сережа, – похвалила Анна Николаевна. – Раньше нас всех сообразил, что нужно сказать. Молодчина!

Сережка зарделся от удовольствия и тут же с радостью выполнил просьбу бабушки Ани – сбегал за вторым тазом. Кот отсутствовал: он терпеть не мог запаха лекарств, которыми пахло из чемоданчика, – валерьянка, разумеется, не в счет.

Я молча наблюдала за работой старшей Ваучской. Мне показалось, что она вся преобразилась и как-то внутренне собралась – жилистые руки работали умело и быстро, и я, как замороженная, следила за ними. Вася, которому Анна Николаевна ввела что-то в вену, постанывал, не открывая глаз.

Наибольший интерес у Сережки вызвала извлеченная из Васиного тела пуля. Он спросил у бабы Ани, можно ли ему забрать ее. Анна Николаевна ответила, что не советовала бы. Плохая примета. Если Вася захочет оставить ее себе – другое дело, а так следует просто ее

выкинуть. Сережка заявил, что когда вырастет, то станет хирургом. Правда, профессии он менял каждый месяц. Одно хорошо: вид крови его нисколько не смутил.

Прикрыв Васю легким одеяльцем, мы оставили его в коридорчике на остатках дивана Ивана Петровича. Анна Николаевна сразу же ушла спать – видно, утомилась. Ольга Николаевна выполняла работу санитарки – убирала после операции. Я же пошла заканчивать стирку, казалось, начатую так давно...

Глава 5

1 июля, среда

Мы все проснулись от жуткого крика дяди Вани. Как он потом признавался, в первую минуту у него мелькнула мысль, что это – белая горячка и пора бросать пить. Он уже успел мысленно дать зарок, но час спустя лечился вместе с Васей.

Художник проснулся раньше всех. Не знаю уж, что ему вводила Анна Николаевна, но действие препарата быстро кончилось. Бок, конечно, ныл, но захотелось в туалет.

Вася-то после пробуждения вспомнил, где находится; он примерно представлял, где в нашей квартире искать туалет – рядом с кухней. В общем, Васе требовалось миновать две жилые комнаты, что он успешно и проделал. Но художник был еще слаб от потери крови и снова ненадолго потерял сознание, правда, успев опуститься на табуретку, стоявшую в ванной. Там его и застал дядя Ваня, решивший с утрачка ополоснуть лицо холодной водой. Дядя Ваня лег раньше всех, а поэтому выспался тоже раньше всех; к тому же еще накануне он планировал с утра пораньше идти собирать бутылки.

В общем, вошел Иван Петрович в ванную – а там полуголый мужик, перевязанный и со следами запекшейся крови на бинтах: мы же не успели Васю помыть. Дядя Ваня протер глаза, подумал: не мерещится ли? Затем взглянул на мужика повнимательнее и издал истошный вопль, разбудивший нас всех и вернувший Васю в сознание. Ведь Иван Петрович вечером как раз за упокой Васиной души пил, а тут – здарсьте-пожалуйста, само тело пожаловало.

Анна Николаевна твердо заявила, что Васе нужен постельный режим, Сережка тут же притащил извлеченную из дяди пулю и объяснил, что ему вчера говорила баба Аня, Ольга Николаевна принялась готовить завтрак, а Иван Петрович принес полбутылки какой-то дряни, оставленной, чтобы опохмелиться. Вася оценил жертву Ивана Петровича, предложившего разделить с раненым драгоценную жидкость, и выпил лекарство, хотя Анна Николаевна очень возражала – как врач. Но Вася был тверд в своем решении, заявив, что так он гораздо быстрее пойдет на поправку.

Иван Петрович предложил перетащить диванчик обратно к нему в комнату – по центру еще имелось место, требовалось только кровать чуть-чуть продвинуть к окну. Помогать все двигать, естественно, пришлось мне. Далее Иван Петрович проявил еще большую щедрость – предложив Васе свою кровать, заявил, что сам пока поспит на диване. Вася расцеловал Ивана Петровича с такой страстностью, что Леонид Ильич Брежнев в могиле, наверное, перевернулся от зависти.

Потом художник обратил внимание на полное отсутствие обоев в комнате Ивана Петровича, сложил в уме увиденное и поинтересовался, сильно ли мы пострадали во время пожара. Мы все пожали плечами. Вася высказал готовность помочь нам с ремонтом – по мере восстановления сил. Естественно, у любого нормального человека при виде нашей квартиры – мебель в прихожей или по центру комнаты, куча сорванных обоев на полу в коридоре – могла явиться только одна мысль: мы делаем ремонт. Ну кто ж подумает, что мы ищем клады?

Помощь Васи в ремонте мы были готовы принять – лишние мужские руки никогда не помешают, но вот привлекать ли его к кладоискательству? Мы также сгорали от любопытства: что же случилось с самим художником, кто сгорел в мансарде вместо него? И почему его вчера искали какие-то бравые ребята? Кто всадил в него пулю?

Мы все расселись на нашей коммунальной кухне и принялись слушать рассказ гостя.

У большинства художников, людей творческих, как сказал Вася, в кошельке или густо, или совсем пусто. Чаще, к сожалению, бывает последний вариант, но бросить свое люби-

мое дело – и образ жизни – они уже не могут, тем более в Васином возрасте, а ему было сорок два. Жена Васю выгнала, а с шестнадцатилетним сыном, мечтающим стать рэкетиром, общий язык был давно утрачен. Вот Вася и обосновался в своей мастерской. Вскоре туда же на постоянное жительство перебрался Андрей. Костя, их третий товарищ, пока оставался жить в семье. Если раньше, при коммунистах, художники подрабатывали на каких-то работах по типу сутки спишь – трое отдыхаешь и имели хоть какой-то постоянный доход, то в нынешние времена халява с котельными и прочими подобными заведениями закончилась. Они уже ломали голову над тем, как им жить дальше, когда на горизонте появился некий бизнесмен Валерий Павлович и предложил внести последний взнос за мансарду. В то время художники как раз мучились тем, где взять деньги, и уже не исключали варианта, что им придется подыскивать новое место обитания. Валерий Павлович также заявил, что в дальнейшем будет подкидывать художникам некоторые суммы на мелкие расходы. Естественно, не из любви к искусству. Валерию Павловичу требовались работники – желательно с художественными наклонностями – и склад для его продукции. Бизнесмен пришел к выводу, что художники, постоянно проживающие в мансарде, просто идеально ему подходят: работники, охранники, грузчики и помещение одновременно. Конечно, неудобно было иметь склад на шестом этаже, где лифт практически никогда не работает, но если художники будут таскать на себе товар, почему бы и не хранить его здесь? Валерий Павлович пояснил, что так будет хорошо и ему, и им: обычный склад арендовать дорого, своего у него нет, а у художников снимается проблема, где достать деньги для последнего взноса за ту же мансарду. И они получают постоянный заработок. В общем, договорились.

– И этот Валерий Павлович хранил у вас свой товар? – спросила Ольга Николаевна.

Вася кивнул.

– Откровенно говоря, я ни разу не видела, чтобы кто-то у нас что-то стружал или загружал, – призналась я. – Чтобы вы – или кто-то еще – по лестнице с коробками ходили.

Вася пояснил, что все разгрузки-погрузки осуществлялись ночью. Валерий Павлович не хотел привлекать внимание жильцов. Вася и его приятели лишними вопросами не задавались. За мансарду Валерий Павлович заплатил, им давал наличку – не ахти сколько, но тем не менее иногда ставил бутылочку.

Примерно две недели назад, около полуночи, приехали четверо парней и забрали из мансарды все, что там находилось. Вначале художники не увидели в их действиях ничего необычного, сами помогали им грузить товар. Правда, ребята оказались незнакомые. Конечно, состав посланников Валерия Павловича частенько менялся, но всегда приезжал кто-то, кого Вася с Андреем знали. Этих же четверых видели впервые. Впрочем, вначале они не придали этому значения. Подозрения закрались, когда ребята забрали весь товар, находившийся в мансарде. Люди Валерия Павловича обычно брали только часть. Что-то забирали, что-то привозили. Однако мансарда никогда не пустовала. Вася с Андреем попытались парней расспросить, но их резко оборвали, заявив, что это не их ума дело. Так надо, мол. Художники решили не вмешиваться. Раз уж так надо...

А через день приехали люди Валерия Павловича и обомлели, увидев пустую мансарду. Крайними, конечно, оказались художники. Им предложили в недельный срок компенсировать ущерб и сказали, что «включат счетчик». Примчался и сам Валерий Павлович, подробно допросил Васю с Андреем. Андрей, по наивности, предложил Валерию Павловичу обратиться в милицию. Тот нехорошо хохотнул и рекомендовал Васе с Андреем к «мусорам» носа не казать – за это он лично по головке не погладит. Валерий Павлович также недвусмысленно заявил, что должок-то отдать все равно придется. Или выкладываете, ребятки, сумму наличными – причем назвал такую, которую ни Вася, ни Андрей в жизни в руках не держали, даже если взять и сложить все деньги, которые прошли через их руки, – или

ищите тех ребят и место, куда они увезли товар. И возвращайте его. Срок – неделя – истекал в прошлый четверг, двадцать пятого июня.

Вася с Андреем прикинули свои шансы и решили смотаться от греха подальше. Собрали кое-какое барахлишко и отбыли в деревенский дом, принадлежащий их третьему товарищу, Константину. Косте «предъяв» никаких не делалось (по крайней мере пока), он жил у жены, товар не отдавал – с него какой спрос? Костя дал им ключи от дома, и они там осели. Пили среду, четверг, пятницу и субботу. Сельский магазинчик все планы перевыполнил. Но и деньги у художников кончились.

В воскресенье с утра примчался Костя, чтобы убедиться, что друзья живы. Они долго не могли понять, что он им втолковывает, а когда поняли, не знали, что делать. Хорошо это или плохо, что их считают мертвыми? И кто считает их мертвыми? И кто на самом деле сгорел в их мансарде? По старой русской традиции решили пустить дело на самотек, но тем не менее в город наведаться – на понедельник была договоренность об одной небольшой халтурке для всех троих. Деньги-то на житье-бытье требовались, а от Валерия Павловича теперь ожидать ничего не приходилось. Заночевали в мастерской еще у одного друга, но там было тесно. Во вторник с утра Андрей отправился назад в деревню, а Вася решил сходить на разведку – с окрестными мужиками покалякать. Слухами, как говорится, земля полнится. А мужики у пивного ларька да бабки на скамеечке лучше всех все знают.

Вася общался с народом, по крупицам собирая информацию. Про пожар слышал весь микрорайон, все говорили, что сгорели два художника: наверное, упились да сигарету забыли затушить или какой электроприбор оставили включенным. Вот и погибли. И нижнюю квартиру залили. Но это уже пожарные виноваты. Жильцы оттуда к знакомым сейчас перебрались. Вот и все районные сплетни.

Вася уже собрался ехать в деревню, к метро продвигался, но тут у «Демьяновой ухи» притормозила шикарная тачка, и из нее вылезли двое ребят – из тех, что забирали товар в злополучную ночь. Узнали Васю. Ну и начались гонки с препятствиями. Вася, к его счастью, район и все подворотни знал лучше украшенных золотыми цепями молодцев, по вонючим параднякам давно не шастающих. Но не повезло ему. В него пальнули. Правда, он не понял сначала, что пальнули, – оружие было с глушителем. Просто обожгло бок. Вася затаился, потом сообразил, что нужно к кому-то обратиться за помощью. А куда идти? Стал продвигаться к родному двору. Решил попроситься к кому-то из соседей своего же парадного. Пошел по крышам и чердакам: дома-то у нас примыкают один к другому. Так и попал к нам. Но его, наверное, заметили – он же не на четвереньках по крышам передвигался. Вася позвонил к нам в дверь, а в это время преследователи ворвались в парадное снизу, причем не вдвоем, а числом гораздо более. Но мы его спасли, за что он век благодарен будет.

У меня возник естественный вопрос: а что за товар хранил в мансарде этот самый Валерий Павлович?

Вася медлил с ответом несколько секунд. Потом признался, что это были гробы – всякие и разные. Простые и с «наворотами». Из разных пород дерева. И художники по заказу хозяина их расписывали или украшали всевозможными способами.

Старушки Ваучские всплеснули руками. Дядя Ваня тихонько выругался. Я же заметила, что раз товар ходовой, то мог кому-то понадобиться. Чего ж не взять за бесплатно то, что плохо лежит? Или про запас прихватить – хоть пока и не нужен. Когда-то ведь все равно понадобится. Могли также взять и с определенной целью. Например, чтобы кинуть Валерия Павловича, сделать ему подлянку. Наверное, есть за что. Или, не исключено, сам Валерий Павлович мог постараться – чтобы потом взять за жабры художников.

– Но что с нас возьмешь?! – искренне удивился Вася. – Валерий Павлович же прекрасно знал наше... финансовое положение. Должен понимать, что с нас ничего не потребуешь. Даже если бы мы и хотели ему заплатить.

– Значит, это его враги, – констатировал Иван Петрович. – Буржуй пошел против буржуя.

– Ах, оставьте вы буржуев в покое! – воскликнула Анна Николаевна. – И это не буржуи, а «новые русские».

Спор мог бы продолжаться долго, если бы я его не пресекла, напомнив собравшимся, что не стоит отвлекаться на мелочи и не относящиеся к делу вопросы, как то: выяснять, каково смысловое значение слова «буржуй». Следовало решить, как быть с Васей.

– Конечно, оставить у нас, – сказал Иван Петрович.

Оставить-то мы его у себя оставим, но что дальше? Если я все правильно поняла, то Вася уже в списках живых не значится: Костя уклончиво объяснял милиции, что в обгорелых останках никого не узнать и он опознания своих приятелей произвести не способен, – но кто же тут мог оказаться, кроме них? И врал и не врал одновременно... Да, в останках опознать кого-либо было трудно, но уже в воскресенье Костя точно знал, что друзья живы. И в милицию об этом не сообщил. Версия о гибели художников по собственной вине устроила капитана Безруких – как, вероятно, и остальных сотрудников милиции.

Сообщать ли нам в милицию – и капитану Безруких в частности, – что Вася и Андрей живы, хотя Вася и не совсем здоров?

Вася категорически возражал. Он откровенно боялся. Иван Петрович тоже был против милиции. После нескольких лет, проведенных в местах не столь отдаленных, любви к стражам правопорядка он не испытывал никакой. Как и доверия. Сестры Ваучские, пребывавшие уже в сознательном возрасте в тридцать седьмом году, опять же не горели желанием лишней раз общаться с органами. Капитан Безруких требовался нам лишь как источник информации. Я же к органам не относилась никак. То есть вообще никак – ни положительно, ни отрицательно, и мне было все равно, обращаться к ним или нет. Если большинство в нашей квартире считает, что нет, я присоединяюсь к большинству.

Решение не обращаться в милицию нашим квартирным собранием (при участии нового временного жильца) было принято единогласно.

Но делать-то что-то нужно. Не может же Вася (как и Андрей) всю оставшуюся жизнь скрываться?

– А если паспорт сменить? – предложил Иван Петрович.

– Вы хоть думаете, что говорите? – воскликнула Ольга Николаевна.

– Сейчас все можно, – изрек Вася. – Были бы деньги. Но их нет.

При упоминании о деньгах, которых нет и которые могли бы быть, мы, постоянные жильцы нашей коммуналки, вспомнили о прерванном появлении Васи занятии. Он позвонил в дверь как раз тогда, когда я уже собиралась разбить молотком странную плитку. Наверное, в эти минуты в наших головах мелькала одна мысль: посвящать Васю в дело или нет? И как можно его не посвятить, если мы берем его жить к себе? А откладывать поиски на неопределенное время (пока Вася живет у нас) мы не могли. Зудело. Как, наверное, и у всех кладоискателей во все века.

– Ставим вопрос на голосование, – объявила наш постоянный председатель Ольга Николаевна. Мы все, конечно, поняли, какой именно вопрос. Все, кроме Васи, разумеется.

– Только надо определиться с долей, – заметила Анна Николаевна. – Например, пять процентов. Если при изначальном раскладе каждый из нас, пятерых постоянных жильцов, получил бы по двадцать процентов, мы отдадим Васе по одному. Нам остается по девятнадцать.

Ошеломленный художник спросил, о чем речь. Ольга Николаевна велела ему помолчать, пока мы обсуждаем его процентную долю. Вася молчать не мог и требовал, чтобы ему объяснили, в чем у него имеется процентная доля и почему мы обсуждаем ее без его участия. Но мы продолжали обсуждение, словно Васи среди нас в эти минуты не было. В конце

концов единогласным решением постоянных жильцов мы постановили ввести Васю в курс дела, предложив ему пять процентов в случае удачного завершения предприятия. Взамен требовалось приложение его мужской силы в помощь Ивану Петровичу. Как раз занятие художнику, пока обитает в нашей квартире. В случае усердной работы обеспечим стол.

Вася выслушал рассказ про клад – или клады, – а также про скелет у соседей. И поклялся собственным животом, что будет молчать и никому не выдаст эту великую тайну. А если мы предоставляем ему не только крышу над головой, но и стол, готов прямо сегодня начать разбирать нам пол и стены.

И тут у Васи возникла мысль: а не мог ли Валерий Павлович каким-то образом прознать про клад? Может, потому и решил избавиться от художников? Вдруг он предположил, что клад хранится в мансарде? Была мансарда при деде Лукичеве? Мог дед (или папенька, или Нина) что-то там спрятать? Как она использовалась в прошлом веке?

– Стал бы Валерий Павлович идти на такие ухищрения из-за вас, – хмыкнула я. – Вася, ты уж прости, но ты слишком высокого о себе мнения. Если бы он захотел от вас избавиться... – Я пожала плечами.

Иван Петрович со мной согласился. Как и сестры Ваучские. Как и сам Вася.

Но ведь кто-то сгорел в огне – причем до неузнаваемости. И кто-то над нами пьянствовал в ночь с пятницы на субботу. Или нам с подругами только показалось, что пьянствовал? Может, мы просто так предположили, не ожидая ничего другого?

– А это точно пьянка была? – неожиданно спросил Иван Петрович, словно прочел мои мысли. – Марина, вспоминай-ка. И ты, Серега. Я-то рано отключился. Ольга Николаевна, Анна Николаевна, что за звуки были?

Я напрягла память. Светка с Наташкой хотели позвать мужиков сверху (или сами пойти к ним), услышав точно, что там мужики. Там что-то кричали. Но вот пьяные ли это были крики? И что-то там падало. Падение чего-то тяжелого подтвердил Сережка.

– У вас в мастерской могло что-то взорваться? – спросила я. – Вы хранили какие-нибудь химикаты или...

Вася отрицательно покачал головой. Так, чтобы разнесло толстенное перекрытие и в наружной стене образовалась дыра, – нет. Внимательно выслушав наш рассказ и обдумав услышанное, художник высказал предположение, что взрывное устройство было каким-то образом привязано к телам и сработало, когда до него дошел огонь. То есть пожар устроили преднамеренно – чтобы избавиться от трупов. И весь сыр-бор – для того же самого. А теперь Валерию Павловичу нужно избавиться и от художников.

– Но ведь он не знал, что вы сделаете ноги, – заметил Иван Петрович. – Не знал, что освободите ему помещение для этой дьявольщины. И он что, по-другому не мог избавиться от трупешников? Если уж так хотел. Других, что ли, мест и способов нет, в особенности если он гробами торгует? Должны же у него быть люди на кладбищах? Зачем все так усложнять?

Загадок становилось все больше. Перед нами стоял извечный вопрос русской интеллигенции: что делать?

Анна Николаевна заметила, что никто из постоянных жильцов нашей квартиры ни Валерия Павловича, ни его соколов в глаза не видел и, бог даст, никогда не увидит. Так зачем нам забивать себе голову его деяниями? Ну избавился от каких-то трупов, а нам-то что? Это дело милиции, если она, конечно, будет ими заниматься. Правда, в случае еще одного прихода капитана Безруких Васе следует безвылазно сидеть в комнате Ивана Петровича.

Наша задача – найти клад. Или клады. А все остальное – не наше дело.

Мы дружно согласились с Анной Николаевной.

После чего я отправилась за продуктами; Сережка – на пляж у Петропавловки с заданием пообщаться с окрестными мальчишками и выяснить, кому что известно; Анна Николаевна прилегла отдохнуть; Ольга Николаевна занялась обедом; а Вася попросил разрешения

немного поспать – ощущал еще слабость от потери крови. Но вечером художник обещал приступить к выполнению основной задачи. Иван же Петрович отправился собирать бутылки и общаться с окрестными алкоголиками. Следующий этап кладоискательства был отложен до вечера.

Перед выходом из парадного я забрала из почтового ящика «Петровский курьер» – еженедельную бесплатную газету районных новостей. В отличие от многочисленных рекламных листков в этом есть довольно много статей – пусть и на правах рекламы. Есть и сводка ГУВД, и пожарников.

О нашем пожаре рассказывалось на первой странице. Безапелляционно утверждалось, что погибли двое художников – из-за собственной халатности. Несчастливым пенсионерам, проживающим снизу, теперь придется делать ремонт, а средства на него спросить не с кого. Какое безобразие! Из-за халатности алкоголиков страдают ни в чем не повинные люди. Ни про взрыв, ни про скелет в нише, ни про французов-хозяев наиболее пострадавшей квартиры в газете не было ни слова.

Глава 6

1 июля, среда, вечер

В середине дня я притащилась с продуктами, разложила все по местам, наскоро перекусила и решила хоть немного отдохнуть. Что же это я, в самом-то деле? Солнце в Питере нечастый гость, и пока никакой халтуры нет – так надо же хоть сходить искупаться да подставить тело солнечным лучам. Я быстро переоделась в купальник, прихватила подстилку и французский детективчик, позвонила Наташке, тут же согласившейся составить мне компанию (Наташка полдня занималась уборкой квартиры и тоже была рада отдохнуть), и мы отправились на пляж у Петропавловской крепости.

Пробыли мы там часов до восьми вечера и, разомлевшие, отправились по домам. Зайдя под арку, я заметила, что у нас во дворе стоит больше, чем обычно, машин, причем все иностранные. Наверное, гости ночного клуба, решила я. Хотя с другой стороны дома, в котором размещался ночной клуб, имелась довольно большая стоянка, иногда некоторые личности ставили машины у нас во дворе. Может, на случай быстрого исчезновения с места действия через черный ход? Но это все равно не мое дело, решила я и спокойно отправилась к себе на этаж. Лифт до сих пор не работал.

Я открыла дверь ключом и угодила в крепкие объятия хорошо накачанного молодца лет двадцати шести – двадцати семи. Молодец видов на меня как на женщину не имел никаких, и его объятия не имели ничего общего с проявлением страсти. Он просто швырнул меня в сторону двери, ведущей из нашей обширной, ныне заставленной прихожей в коридор, и приказал следовать на кухню. Для убедительности ткнул мне в спину чем-то холодным и круглым. Я тотчас догадалась, что это может быть, и аргумент оказался весьма убедительным.

Наши постоянные жильцы и присоединившийся к ним временный сидели рядом вдоль стеночки, сложив руки на коленях. Напротив них стояли еще двое молодцев, двойников встретившего меня. В руках – короткоствольные автоматы. А за нашим общим столом восседал лысоватый мужчина лет пятидесяти пяти. Наверное, он очень переживал облысение, потому что прилагал отчаянные усилия, чтобы скрыть лысину остатками волос, – правда, это у него не очень хорошо получалось. Но он явно старался. Мужчина был кругленький, с лицом, словно обведенным циркулем. Мне он чем-то напомнил гриб-боровик. На пухленьком левом мизинчике поблескивал довольно крупный бриллиант. Мужчина был в белой рубашке и при галстукке – в отличие от сопровождавших его молодцев, одетых по форме: штаны из камуфляжа, кожаные безрукавки и огромные кресты на собачьих цепях. Плюс короткоствольные автоматы. «Как это они, интересно, с ними по улице разгуливают? – почему-то подумала я. – Или теперь вообще никто ни на что внимания не обращает?» Потом я прикинула, что эти автоматы можно при желании спрятать под безрукавками, частично же засунуть в штаны.

Видимо, я так откровенно прикидывала, что сидевший за столом мужчина рассмеялся. Но подумал он совсем другое.

– Хорошие у меня мальчики, а, Марина Сергеевна? – спросил он, отхлебывая кофе (явно мой) из моей любимой чашки. – Вы, конечно, еще не в том возрасте, чтобы на молоденьких тянуло, но...

– Я прикидывала, куда они автоматы убирают, – призналась я. – Может, у них разрешения есть? Или они их носят, выставляя на всеобщее обозрение?

Мужчина обомлел. Парни тоже. Первым пришел в себя стоявший у окна блондин. Если бы он немного отрастил волосы, парень был бы хоть куда.

– Вот, смотри, – сказал он. И быстро убрал оружие. Потом так же быстро выхватил.

Я встретила взглядом с сыном и незаметно подмигнула ему. У меня уже созрел план действий. Трое вооруженных мужиков явно не ожидают подвоха со стороны, казалось бы, беззащитной женщины, ребенка, раненого, стариков... и кота... Но мы еще посмотрим, кто кого, дорогие незваные гости. Неожиданность нападения – уже половина успеха. Да и решатся ли они стрелять? И вообще, готовы ли?

– Дяденька, а мне можно... – раскрыл рот Сережка.

– Помолчи, – прервал его сидевший за столом мужчина, но Сережка уже направлялся к проводившему демонстрацию блондину.

Сережка протянул ручонку к автомату, его владелец не решился оттолкнуть ребенка или не ожидал от него никаких неприятностей. Что ж тут такого – простое мальчишеское любопытство. Молодец сам недавно вышел из Сережкиного возраста. Мой сын со всей силы двинул ногой в пах демонстратору и выхватил из его рук автомат. Я, практически одновременно с ребенком, врезала ногой по причинному месту тому соколу, что провожал меня на кухню. Дополнительного приглашения другим жильцам нашей коммуналки не требовалось.

Иван Петрович совершил гигантский прыжок и рухнул на вскинувшего автомат молодого господина, подпиравшего стену. Табуретки, на которых только что восседали наши жильцы, мгновенно опустели. Приговаривая, что он этим мерзавцам покажет, как пугать честных людей, раненый Вася метнулся на помощь Сережке, и они на пару принялись дубасить блондина. Вооружившись скалкой, ко мне подлетела Ольга Николаевна и со всей силы огрела по голове воющего провожатого, уже выронившего пистолет (автоматы были только у двоих) и державшегося обеими руками за самое дорогое. После второго удара скалкой молодец отключился, с грохотом рухнув на пол. Я быстренько подхватила пистолет. С ним спокойнее.

Затем Ольга Николаевна все с той же скалкой бросилась на помощь Ивану Петровичу, не пожалевшему для противника недопитую бутылку какой-то своей бодяги, – просто бутылка оказалась под рукой у дяди Вани (они у него почти всегда оказываются под рукой, но в этот раз ее наличие оказалось как нельзя кстати). Бутылка разбилась, но на пуленепробиваемом лбу молодца только лопнула кожа. Ольга Николаевна приложила по тому же месту скалкой – и это возымело больший эффект, чем бутылка. Затем младшая из сестер Ваучских приложила для порядка и ко лбу третьего молодца, с которым в общем и целом уже разобрались Сережка с Васей. Победа осталась за нами.

Анна Николаевна тоже не сидела сложа руки. Восемидесятипятилетняя женщина сумела быстро подхватить автомат, вырванный Сережкой из рук врага, и тут же направила его дуло в лоб сидевшему за столом мужчине. Как я успела заметить краешком глаза, Анна Николаевна умела обращаться с оружием; потом, расправляясь с доставшимся мне противником, я услышала, как старшая Ваучская прошипела, обращаясь к незваному гостю:

– Сиди и не рыпайся. Я этот город в Великую Отечественную защищала, в госпитале работала, на крышах дежурила, зажигательные бомбы тушила, а уж за свою квартиру и своих родных тем более постою.

Ни у меня, ни – главное – у Боровичка, которому в лоб было направлено дуло, сомнений в том, что Анна Николаевна осуществит свою угрозу, если он «рыпнется», не возникало.

Жильцы нашей квартиры сражались с гораздо большим, чем молодые охранники, ожесточением. Еще бы: защищали свой живот, свою квартиру и, не исключено – оставленное в ней предками Ваучских богатство. Поэтому мы и победили.

Кухня представляла собой поле боя после героического сражения, проходившего практически в каждом углу с использованием всех подручных средств. К урону, понесенному нами во время пожара, добавился урон, понесенный во время схватки. Он, конечно, был значительно меньше – несколько разбитых тарелок и одна сломанная табуретка, но на непрошенных гостей и этого было жалко.

А они вообще оказались не готовы к битве не на жизнь, а на смерть. Наверное, мальчики расслабились от сытой и спокойной жизни. Ходили себе с автоматами по улицам, пугали мирных жителей, да и в нашей квартире никак не предполагали встретить достойное сопротивление со стороны старушек, одиннадцатилетнего ребенка, молодой женщины и раба зеленого змия Ивана Петровича.

Мужчина, сидевший за столом, продолжал попивать кофе, невозмутимо наблюдая за сражением. Он принял как факт угрозу Анны Николаевны – не дергался, не участвовал, не комментировал. Наверное, ему было просто интересно. Ну, например, узнать кое-что о человеческих возможностях в экстремальной ситуации.

Итак, мы вышли победителями, правда, у Васи начала кровоточить рана, и Анна Николаевна увела его на перевязку, передав свой трофей младшей сестре. Иван Петрович повесил на шею второй автомат и временно покинул помещение. Вернулся с веревкой и связал ею соколов, в настоящий момент лежавших в отключке от окружающего мира. Сережка ему помогал. Кот носился по кухне, перепрыгивая через лежащие тела. Ольга Николаевна подсчитывала ущерб, нанесенный нашему дому. Я же утерла пот со лба и плюхнулась напротив невозмутимого Боровичка. Пистолет из рук я так и не выпустила.

– Вы бы хоть представились, – попросила я.

– Валерий Павлович Белоусов, – чуть наклонил голову Боровичок. Ну и нервная система!

– Очень приятно, – сказала я.

Валерию Павловичу было тоже очень приятно познакомиться с мужественными жильцами нашей квартиры, продемонстрировавшими ему, что он зря платит деньги молодым дармоедам. Кивнув в сторону лежавших рядом юношей, Валерий Павлович поинтересовался, не думаю ли я переквалифицироваться, например, поработать в охране. Женщины-телохранительницы входят в моду.

Я не думала и попросила сообщить, зачем Валерий Павлович пожаловал в нашу скромную обитель. Боровичок признался, что его интересовали не постоянные жильцы, а временно поселившийся у нас художник. Если господин художник покинет квартиру вместе с Валерием Павловичем, то все претензии к нам с его стороны будут сняты.

Я расхохоталась.

– *Ваши претензии к нам?* – переспросила я и обвела рукой поле боя. – А кто нам компенсирует урон, нанесенный вашими сотрудниками? А также моральный ущерб?

Ольга Николаевна тут же сообщила, какова стоимость побитых тарелок, сломанной табуретки, и добавила сюда примерную стоимость ремонта после пожара.

Валерий Павлович молча выслушал Ольгу Николаевну. Как только она закончила, вытащил из кармана брюк толстый бумажник, отсчитал пять сто долларовых купюр и молча положил на стол.

– Компенсация за нанесенный ущерб, – сказал он с серьезнейшим видом. – Материальный и моральный.

Мы с Ольгой Николаевной переглянулись. Сережка с Иваном Петровичем временно прекратили свое занятие (Иван Петрович по ходу дела обучал Сережку морским узлам – дело нужное и всегда может пригодиться) и тоже взглянули на незваного гостя.

Я, как полномочный представитель нашей квартиры, отряженный для ведения переговоров с враждебной (или, может, теперь, наоборот, дружественной?) стороной, спросила:

– Что вы все-таки хотите? Вернее, хотели, когда шли сюда...

– Я же сказал: художника, – удивился Валерий Павлович нашей непонятливости.

– А поточнее, – попросила я.

Валерий Павлович призадумался. Дело казалось мне очень темным. Ольга Николаевна также села за стол. Через несколько минут подключились и Иван Петрович с Сережкой.

Пятьсот баксов сто долларовыми купюрами лежали посреди стола. Мы к ним пока не прирагивались.

– Вы в курсе, что у меня украли большую партию товара? – спросил наконец Валерий Павлович, обводя взглядом нашу компанию.

Мы не посчитали нужным это скрывать.

– Художники должны компенсировать мне ущерб, поскольку они виноваты.

Мы дружно постарались убедить Валерия Павловича в обратном, придерживаясь версии, представленной Васей. Валерий Павлович с грустью покачал головой и заявил, что Васе и его товарищу, несомненно, очень хорошо заплатили конкуренты Валерия Павловича, чтобы вот так кинуть его, бедного. Валерию Павловичу нужно только точно выяснить, кто это так постарался, а там он уже будет действовать своими методами, резервами и средствами. Мы же, конечно, не думаем, что Валерий Павлович спустит на тормозах потерю товара и, соответственно, денег. Узнать же, кто именно такой нехороший, можно только от Васи. К великому сожалению Валерия Павловича, наша компания не может назвать ему имена воров. То есть Вася нужен ему в любом случае: и для отработки, и для поиска негодяев.

– А почему вы пришли с таким сопровождением? – поинтересовалась я, кивая на лежавших рядом молодцев.

Валерий Павлович всегда ходит в сопровождении охраны, как он нам признался; правда, теперь ему придется сменить телохранителей: мы доказали ему никчемность тех, кому он доверял свою жизнь. А потом, он не мог знать, кто засел в нашем доме. Мы могли еще не перебраться обратно после пожара, а нашу квартиру могли тем временем занять те, кто и действовал против несчастного Валерия Павловича.

– А сторел-то кто? – подала голос Ольга Николаевна.

Валерий Павлович пожал плечами и заявил, что его это совершенно не волнует.

Жильцы нашей квартиры никак не могли понять, почему Валерий Павлович решил держать свою продукцию на последнем – пусть и нежилом – этаже обычного дома. Неужели у него нет офиса или какого-нибудь склада? Ведь он, насколько мы поняли, занят в похоронном бизнесе, не так ли?

Боровичок подтвердил род своих занятий, а также объяснил, что конторка у него совсем маленькая, а складских помещений при ней не имеется. Есть лишь демонстрационный зал. наших жильцов они своей продукцией не пугали: все заносили и выносили только в ночное время. Кто-то из нас что-то видел? Нет. Кто-то из соседей жаловался? Тоже нет. Валерий Павлович специально выбрал наш дом и наш двор. Парадное во двор выходит только одно – наше. Он изучил список жильцов и не нашел ни одного, склонного к ночным гуляниям. Все или еще не вошли в тот возраст, или уже вышли. Жильцы другого подъезда сюда не заглядывают. В магазине на первом этаже ночью никого нет. С двух сторон к нашему дому примыкают глухие стены других домов без единого окошечка, напротив здание, занимаемое «Жар-птицей», причем опять же черный ход. Клиенты ночного клуба приходят туда не для того, чтобы ночами из его окон глазеть. Тем более все окна, выходящие в наш «колодец», глухо зашторены. Наши жильцы тоже не особо балуются этим занятием по ночам – да и Валерий Павлович всегда машину подгонял к самому парадному. Художникам работа, можно сказать, на дом привозилась. Кому плохо-то было?

Я была вынуждена согласиться, что Боровичок все очень хорошо продумал. Неудобно, конечно, что с шестого этажа товар таскать приходилось, но что поделаешь? И он в самом деле не мешал и не пугал никого из жильцов нашего парадного.

Иван Петрович спросил, где делались гробы. Валерий Павлович объяснил, что «основу» сбивали слесаря на одном из заводов, а «до ума» товар доводили художники, – все соответствовало представленной Васей версии.

– Но сейчас мансарда в совершенно неприемлемом состоянии, – заявил Валерий Павлович. – Туда ничего не поставишь.

– Надо ее отремонтировать, – заметил Иван Петрович. – И спокойно продолжать дело.

Однако у Валерия Павловича появилось к нам вполне определенное предложение, и он поинтересовался, не желаем ли мы подработать. Хотя и я, и дядя Ваня на это дело практически всегда согласны, в данном случае мы категорически отказались: Валерий Павлович предлагал переоборудовать под мастерскую нашу квартиру. Еще только гробов нам тут не хватало!

Но Валерий Павлович убеждал нас, что занятие по их оформлению нам вполне по силам. Например, прямо сейчас, между полуночью и часом ночи, нам могут привезти пять гробов и материал для оформления. Никаких специальных заказов на них нет, и Боровичок полагается на наш вкус. Мы получим просто деревянные коробки, которые должны будем представить на оценку Валерию Павловичу в товарном виде. На наше усмотрение. Валерий Павлович обещал хорошо заплатить.

Он, конечно, был не так прост. Предлагая подзаработать, он явно хотел убить сразу двух зайцев: и продолжить бесперебойное производство, и, не исключено, найти своих обидчиков.

Боровичок сказал, что к нам могут пожаловать непрошенные гости, если узнают, что производство не остановлено, а только перенесено этажом ниже. Кивнув на лежавших рядом молодцев, Валерий Павлович заметил, что мы в состоянии достойно встретить любых непрошенных гостей, тем более теперь мы еще вооружены огнестрельным оружием, а не только скалками, ступками и кухонными ножами. Потом он кивнул на радующие глаз зеленые бумажки и заметил, что он не просто так их нам оставляет. Это, так сказать, аванс, а не только компенсация. Воочию убедившись в наших возможностях, он надеется, что мы будем в состоянии провести задержание лиц, которые могут заинтересоваться его товаром. Мы же понимаем, что Валерию Павловичу нужно возвращать украденное? А если вдруг мы каким-либо образом сможем оказать ему содействие в поисках товара, уж он за ценой не постоит. И вообще, почему бы нам не освоить еще и профессию частных детективов? Мы же можем порасспрашивать окрестных старушек (Ольга Николаевна и Анна Николаевна), мальчишек (Сережка), народ у пивного ларька (Иван Петрович), а также учеников и их родителей (я). Круг общения у жильцов нашей квартиры широчайший, причем это самые осведомленные слои населения. Валерий Павлович не сомневался: мы в состоянии справиться с его заданием гораздо лучше лицензированных частных детективов, не говоря уже о сотрудниках государственных органов. А уж Валерий Павлович нас не забудет. И он снова кивнул на зеленые бумажки.

Но мы все равно отказались. Денег, конечно, заработать хотелось, но не таким же способом? А вот насчет частных детективов можно было бы подумать... Хотя как мы можем узнать про воров?

– Вы также подумайте и насчет мастерской, – повторил Боровичок. – Ну что такого, в самом-то деле? Быстро привыкнете. Звоните в любое время.

Оставалось только решить вопрос с Васей. Валерий Павлович настаивал, что художник приложил руку к исчезновению товара. Мы решили пригласить Васю «на ковер». Выпускать его нам не хотелось еще и потому, что мы открыли ему тайну, рассказали о кладе. Вася несколько раз осенил себя крестом, сказав, что он – человек честный, а потом взял лист бумаги и набросал по памяти портреты тех, кто в ту злополучную ночь вывез весь товар. И как это не пришло ему в голову раньше? А главное, не ему, а Валерию Павловичу? Или тот во гневе забыл, что его работники рисовать умеют? Про двоих, изображенных художником, ничего особенного сказать не могу, у третьего же был шрам над правой бровью, у четвертого – чуть раскосые глаза.

Пока Вася рисовал, я наблюдала за Валерием Павловичем. В какую-то секунду мне показалось, что он узнал одного из тех, кого пытался изобразить Вася. Или мне только показалось? Но что-то определенно промелькнуло на лице Боровичка. Какое-то странное выражение. Однако он тут же взял себя в руки.

На мой прямой вопрос гость ответил, что никого из этих ребят никогда в жизни не видел.

Мы все, включая Валерия Павловича, поужинали на скорую руку и опять пили кофе. Боровичок даже извинился, что воспользовался моей любимой чашкой – но он же не знал, не так ли? Я его простила.

Валерий Павлович сложил рисунки в папочку и все-таки согласился оставить Васю у нас – при условии, что мы не будем пока выпускать его из квартиры.

– А это ваши в него стреляли? – спросила я у Боровичка, глядя ему прямо в глаза.

– Что?! – похоже, искренне удивился Валерий Павлович.

– Но вы же видите, что он ранен.

Валерий Павлович видел. Я же поинтересовалась, каким тогда образом Боровичок узнал, что Вася сейчас находится у нас.

– Методом логических умозаключений, – усмехнулся гость.

Я попросила уточнить. Валерий Павлович помедлил немного, а потом заявил, что ему намекнули, что художник может быть у соседей. Он решил проверить, а заодно предложить нам (или, может, тем, кто живет под нами) взять на себя работу, ранее выполняемую художниками. Потому он здесь.

«Темнит, ох темнит», – подумала я, но промолчала. И кто это мог ему намекнуть?

Тем временем Анна Николаевна как врач заявила, что Васе пока нужен постельный режим, и нечего ему по улицам шляться, так что она лично проследит, чтобы он оставался дома. Я же, наоборот, подумала: может, лучше отправить Васю куда-нибудь от греха подальше? Но куда?

Молодцы на полу уже давно очухались, но лежали смиренненько, тем более особо шевелиться-то они не могли – Иван Петрович постарался на совесть. Ртов они не раскрывали, в прениях не участвовали, с предложениями не выступали, только молча слушали, переводя взгляды оплывших глаз с одного участника собрания на другого. Конечно, понимали, что ударили в грязь лицом. Вернее, их туда опустили. Кот изучал их с большим интересом, невозмутимо прогуливаясь по телам (он и по мне ночью любит пройтись), правда, никого не кусал и не царапал.

Наконец Валерий Павлович решил, что ему пора откланяться.

– А что с вашими делать? – кивнула Ольга Николаевна на лежавших на полу молодцев.

– Да выбросите их вон, – сказал Валерий Павлович, на прощание пнув ногой лежавшего ближе всех к выходу из кухни.

Тут парни дружно завопили. Кот впился в ногу блондина. Но их шеф уже пробирался к входной двери. Я следовала за ним с пистолетом, который грел мне душу и успокаивал. Валерий Павлович вроде бы отнимать его не собирался, а в нашей жизни все может пригодиться. Я была рада, что оружие остается нам.

Перед тем как переступить порог, Валерий Павлович опять спросил:

– А может, все-таки прислать пробную партию, а, Марина Сергеевна?

– Нет, – твердо ответила я. – Не надо.

Я закрыла дверь за Валерием Павловичем и вернулась на кухню, где уже началось бурное обсуждение того, как мы будем выбрасывать ясных соколов, с которыми сегодня пришлось вступить в бой. Молодцы тоже хотели участвовать в беседе, но нам это быстро надоело, и Иван Петрович обеспечил им кляпы. Молодцы еще немного подергались, что вызвало недовольство кота, немедленно выпустившего когти, но вскоре успокоились, смекнув, что

лучше помолчать; правда, они напряженно прислушивались, интересуясь своей дальнейшей судьбой. Мы приняли решение: вынести их во двор и оставить у новомодной помойки. А там уж кто подберет.

Проблема заключалась только в одном: как их туда вынести?

Здоровый мужчина у нас был лишь один – дядя Ваня. Васе, как заявила Анна Николаевна, тяжести поднимать строго противопоказано, потому что опять может начаться кровотечение. Мне лично работать носильщиком (или носильщицей?) не хотелось. Сережка – ребенок. Ольга Николаевна и Анна Николаевна тоже для этой роли не подходили.

В разгар диспута в дверь позвонили.

– А вдруг все-таки гробы привезли? – высказал предположение художник. – С Валерия Павловича станется.

– Как раз и попросим мужиков вынести этих, – кивнула на молодцев Ольга Николаевна.

Мы посчитали вопрос решенным, и я отправилась открывать дверь. Вслед за мной побежал Сережка. Процессию замыкал заново перевязанный Вася, заявивший, что он должен обязательно посмотреть, кто пожаловал на этот раз.

Я открыла дверь. На пороге стоял мой бывший с двумя большими коробками в руках.

Глава 7

1 июля, среда, вечер

– Женья? – удивилась я, не ожидавшая увидеть бывшего раньше следующей недели.

– Папа? – поразился Сережка.

– Здравствуйте, – поздоровался Вася.

Женья усталился на пистолет за поясом моей юбки – я уже так с ним свыклась, что воспринимала как одно целое со своим телом. Бывший издал какой-то возглас, видимо, пытаясь о чем-то спросить. Но тут в прихожей появилась Ольга Николаевна и заявила, что надо бы «этих» побыстрее вынести на помойку, а то они полкухни занимают.

Вслед за Ольгой Николаевной высунулась голова Ивана Петровича, у которого на шее висел автомат; голова поинтересовалась, нет ли у вновь прибывшего чего-нибудь выпить, – надо бы отметить такое дело. Какое, Иван Петрович не уточнил. Но Женья-то вообще не пил.

Затем из кухни донесся трехэтажный мат, и послышалась тяжелая поступь Анны Николаевны; она – тоже с автоматом на шее – сообщила, что один из парней кляп выплюнул, так что пришлось юношу на всякий случай огреть прикладом, но пусть Иван Петрович опять кляп засунет, а то «этот» кусается, хотел бедную старую женщину за ногу цапнуть. Правда, кот ему сейчас физиономию раздирает.

Женья, наверное, решил, что попал в филиал сумасшедшего дома, где постоянно прописались и мы с Сережкой. Тем не менее он вошел и осмотрелся в заставленной бараклом Ивана Петровича прихожей. Диванчик мы вчера переместили обратно в комнату к дяде Ване, но следы запекшейся крови так и остались на полу – до мытья пола ни у кого из жильцов руки не доходили. В углу стоял и тазик с извлеченной из Васи пулей.

Художник проследил за ошалелым взглядом моего бывшего и вспомнил, что он сегодня весь день собирался проделать в пуле дырочку, чтобы носить на груди, рядом с крестом. Вот сейчас как раз и займется.

– Это баба Аня вчера из дяди Васи вынула, – пояснил Сережка для папы, кивая в сторону тазика. – Я, когда вырасту, хирургом стану. Чтобы бандитские пули из честных людей вытаскивать.

Мне показалось, что Женья вот-вот грохнется в обморок. Он-то ладно, но следовало вовремя подхватить привезенное им добро. Судя по коробкам, он наконец привез сыну компьютер.

Я провела бывшего к нам в комнату. Он с ужасом озирался по сторонам, пока шел (наша комната – последняя по коридору), но от комментариев воздерживался. Поставив у нас коробки, он заявил, что ему нужно спуститься к машине: там остались клавиатура и телевизор. А наш телевизор он заберет к себе и посмотрит. Я крикнула дяде Ване, чтобы он помог Жене вынести телевизор. Иван Петрович, естественно, согласился и сказал, что Женья потом поможет ему тела вытащить.

Женья опять чуть не грохнулся в обморок, но остался стоять на ногах и спросил у меня, о каких телах идет речь.

Сережка предложил показать папе «тела». Папе стало еще хуже при виде связанных молодцев с оплывшими «мордами лица». У одного она (оно?) была вдобавок здорово исцарапана котом, теперь мирно возлежавшим рядышком. Ольга Николаевна сидела над юношами, вооружившись любимой скалкой. При виде нового мужского лица молодцы стали дико вращать глазами. Не знаю уж, что они хотели сказать Жене, но слушать ему пришлось Ивана Петровича.

– В общем, подсобишь, мужик? – обратился к моему бывшему дядя Ваня. – До помойки надо донести. А то у нас в квартире, кроме меня, одни женщины, дите и раненый.

Женя, ошеломленный, молча кивнул. Иван Петрович взял инициативу в свои руки и повел Женю обратно к телевизору, который они с бывшим подхватили с двух сторон. Я пошла вместе с ними, чтобы открывать двери. Оружие мы с Иваном Петровичем оставили в квартире, чтобы не пугать соседей с других этажей, если встретятся по пути. По дороге Иван Петрович рассказывал Жене про состоявшуюся недавно битву. Я боялась, что Женя выронит телевизор из рук, и была готова в любой момент подставить свое хрупкое плечо. Но Женя – молодец, дошел до машины и вернулся обратно, уже с другим телевизором.

Когда телевизор был установлен и даже включен Сережкой, Иван Петрович попросил Женю подсобить с оставшимся «грузом», а уже потом подключать компьютер. Ольга Николаевна как раз пока чайку сообразит. Ну а Мариночка, то есть я, опять нам двери откроем.

Иван Петрович с Женей вначале попытались поднять первое тело за руки за ноги, но тело оказалось слишком тяжелым.

– Чего церемонитесь-то?! – воскликнула Ольга Николаевна. – Они нам тут все погромили, сволочи, а вы с ними церемониться? Берите вдвоем под руки и тяните по лестнице. Чай, не хрустальный.

Иван Петрович попросил меня на всякий случай прихватить автомат – мало ли что? – и держать его наготове, целиться в лоб негодяю. После чего они с Женей последовали совету Ольги Николаевны и потащили первого молодца, подхватив под мышки. Молодец что-то мычал сквозь кляп.

Во дворе, как обычно, не было ни души, только стояли два неизвестных мне джипа, старенькая «шестерка» соседа со второго этажа, «Москвич» из квартиры с четвертого и Женина «девятка». Мы беспрепятственно проследовали к помойке. Дядя Ваня заглянул в несколько отсеков, размышляя, забросить внутрь соколика или как. Но потом решил, что нечего им с моим бывшим надрывать, поднимая тяжести: ведь для того, чтобы засунуть тело внутрь, его следовало приподнять. Молодец что-то усиленно мычал сквозь кляп. Мужчины положили его между помойкой и глухой стеной.

Второй (это был блондин) извивался, точно змея, когда его тащили вниз. Не знаю уж, чего он хотел добиться, но я пригрозила стукнуть его по затылку прикладом, если не успокоится. В ответ он пихнул Женю лбом в бок с такой силой, что бывший не удержал равновесия и грохнулся. Хорошо хоть, что не на каменные ступени, а на молодца, но о перила все равно головой ударился. Дядя Ваня успел отпрыгнуть в сторону, а потом со всей силы лягнул молодца в бок, высказав все, что о нем думает. Я помогла бывшему подняться, огрела валявшегося молодца с разбитым носом прикладом, и мы продолжили наше шествие.

– Нет, этого, пожалуй, стоит внутрь закинуть, – заявил Иван Петрович, когда мы добрались до помойки. – Ты как, Женя?

Женя утвердительно кивнул – он был обижен на блондина. С большим трудом дядя Ваня с Женей протолкнули врага в отверстие, и он свалился на полусгнившие овощи.

Мы отправились за третьим.

Когда миновали с ним уже половину двора, направляясь к помойке, из задней двери ночного клуба показались Стрельцов, его хозяин и, можно сказать, наш сосед, а также два господина в строгих костюмах плюс отряд телохранителей. При виде нашей процессии они застыли на месте с раскрытыми ртами.

– Здравствуйте, – первым поздоровался Иван Петрович.

Женя также пролепетал какое-то приветствие.

Телохранители вынули пушки. Хочу заметить, что действовали они довольно медленно (кого теперь только берут в охрану?), я бы уже несколько раз успела пальнуть в их принципалов.

– Мар-марина Сер-серегеевна? – заикаясь, пробормотал Стрельцов, поглядывая на автомат у меня в руках.

– Добрый вечер, Олег Вениаминович, – вежливо поздоровалась я. – Добрый вечер, господа, – обратилась к остальным.

Наверное, молодец, выкинутый в помойку, услышал во дворе голоса и решил привлечь к себе внимание. Он стал биться головой о стенку бака, издавая какое-то невнятное рычание, приглушаемое кляпом. Бак заходил ходуном, сотрясаясь от его усилий. Господа и их телохранители посмотрели в ту сторону, телохранители направили пушки на бак и уже были готовы пальнуть, но я их остановила, предполагая, что пуля может пробить пластмассу (как знать?), а смерти выбрасываемого на помойку добра мне не хотелось. С молодцев и так достаточно.

Я пояснила собравшимся, что это мы просто выбрасываем из квартиры незваных гостей. Не любим мы, когда к нам приходят без приглашения. Двое телохранителей подошли к баку, открыли крышку, заглянули внутрь и разразились диким хохотом. Вслед за ними внутрь заглянули и все остальные. Иван Петрович тем временем попросил молодых телохранителей помочь ему, старику, выкинуть тяжесть. Мальчики подсобили. Теперь в баке лежали двое.

Иван Петрович призадумался: оставлять крышку открытой или как? Не задохнутся ли внутри соколики? Если оставлять открытой, мух может собраться великое множество, а потом они полетят к нам в окна...

Стрельцов заявил, что мусорщики приезжают между пятью и шестью часами утра, – будем надеяться, что мухи не успеют собраться, так что можно и оставить крышку открытой. Например, закрепить ее вон на ту пластиковую опорку. Стрельцов показал как, наверное впервые в жизни копаясь в установленной им же помойке.

Я заметила на себе заинтересованные взгляды приятелей Олега Вениаминовича и нескольких телохранителей. Или автомат женщину только украшает? В особенности такой – компактный, короткоствольный...

– Мариночка... – обратился ко мне самый старший из господ. Ему было лет сорок семь – сорок восемь на вид, и в его жилах явно текла какая-то восточная кровь. – Мариночка, а вы вообще... по жизни чем занимаетесь?

– Учительница французского, – ответил вместо меня Стрельцов. – С моим оболтусом занимается.

– Французского? – переспросил тот же господин. – Олег...

Господа переглянулись, потом резво отошли в сторонку и принялись что-то обсуждать. После чего опять присоединились к нам.

– Марина Сергеевна, у нас будет к вам одно деловое предложение, – заявил Стрельцов. – Вы можете зайти к нам в клуб завтра вечером, ну, например, часиков в восемь? Поужинаем вместе.

Двое стоявших рядом господ кивнули.

– Могу, – сказала я, подумав, что если уж работы нет, так ее нет, а если она есть, так валится со всех сторон. Уже второе предложение за сегодняшний вечер.

– Мы будем вас ждать, – добавил с обворожительной улыбкой восточный господин.

Мы с Иваном Петровичем и бывшим уже собирались развернуться, чтобы идти в нашу квартиру, когда во двор въехал грузовой фургон и остановился прямо у нашего парадного.

– Это еще кто такие? – спросил Олег Вениаминович.

Тем временем водитель с помощником вышли из кабины, открыли заднюю дверцу и вытащили оттуда простой деревянный гроб.

– Черт, это же нам гробы привезли, – догадался Иван Петрович и направился к мужикам. – Валерий Павлович! Ведь мы же сказали, что не согласны. Эй, ребята, давайте обратно!

Бывший просеменил вслед за дядей Ваней.

– И много вам их привезли, Марина Сергеевна? – нахмурившись, поинтересовался господин с восточной внешностью.

– Не знаю. И это неважно. В этой работе мы не заинтересованы, – как ни в чем не бывало ответила я и последовала за бывшим и дядей Ваней.

Олег Вениаминович со товарищи оставались стоять у своих джипов, молча наблюдая за нашими пререканиями с грузчиками.

Из помойки продолжало доноситься сдавленное мычание.

Глава 8

2 июля, четверг

На следующее утро мы решили закончить с комнатой Ивана Петровича: большая часть там уже была простукана и изучена – или невооруженным глазом, или даже под лупой. Часа через два, излазав и весь пол, мы пришли к выводу, что здесь предки Ваучских ничего не спрятали. К нашему величайшему сожалению.

Мне было очень жаль разбивать плитку на печке, стоящей в нашей с Сережкой комнате. Ведь если все зря... Таких плиток мы больше точно не купим, они ведь девятнадцатого века. Ладно, если там клад, а если нет? Обидно же будет до чертиков, что своими руками печь испоганила... После всех несчастий, свалившихся на долю нашей семьи и соседей.

Пока я делилась своими горестными размышлениями с Иваном Петровичем, уныло кивавшим, посматривая на печь, Сережка сбегал за Васей. У ребенка появилась идея, которой он поделился с художником. Вася внимательно осмотрел плитки, которыми была выложена печь, почесал за ухом и заявил:

– Марина, купишь простую белую. Я ее тебе распишу. Ну, не совсем так, как тут, но постараюсь. Ярче только будет, чем эти. Рисунок повторю. Не бойсь. Ну потрешь ее потом побольше...

– Может, вначале распишешь, а потом бить будем? – с надеждой в голосе спросила я, жалея свою печь.

Сын тут же заявил, что если я своей рукой немедленно не стукну по плитке молотком, то это сделает он. Чего ждать-то? Все и так уже изнемогают от нетерпения и желания заполучить клад.

Мне ничего не оставалось... Я встала на стул, замахнулась и, зажмурившись, ударила по плитке. Закрывала я глаза не столько для того, чтобы их уберечь, а в основном для того, чтобы не видеть, как пострадает печь.

Керамические кусочки полетели во все стороны. Я так и стояла на стуле, закрыв глаза, боясь их открыть.

– Тайник! – воскликнули хором жильцы нашей квартиры.

Я открыла вначале один глаз, потом другой и увидела перед собой квадратное углубление. Оно все было квадратное: все его внутренние стороны были по размеру плитки. Наверное, печник делал его специально по чьему-то заказу – не могло же оно само такое образоваться?

Я заглянула внутрь. В дальнем конце лежало золотое обручальное кольцо. Больше в тайнике ничего не было.

Дрожащей рукой я вынула кольцо, положила на ладошку и продемонстрировала собравшимся. Мне трудно описать состояние, в которое впали мы все. Коллективный экстаз. Помешательство. Оргазм. Мы одновременно поминали Господа, черта, Богородицу, лешего, всех святых, домового и кого только еще могли вспомнить. Сережка вместе с котом носились от радости по всем комнатам. Иван Петрович выудил откуда-то «неприкосновенный запас», каковым являлась пол-литровая бутылка водки. Анна Николаевна и Ольга Николаевна осеяли себя крестами, кланяясь в угол, где у меня, подобно вздувшейся на ветру простыне, висели еще не содранные обои. Вася уже готовил рюмки.

Мне помогли спуститься со стула. Ноги у меня подкашивались. Еще бы: первый раз в жизни обнаружила клад. Такое ведь не каждый день случается. Может, в первый и последний раз. Но мы все, конечно, надеялись, что это только начало.

– С почином! – провозгласил тост Иван Петрович.

Мы все пригубили водочки, хотя ни старушки Ваучские, ни я до обеда никогда не прикладывались к спиртному, да и дядя Ваня с Васей вообще-то в основном делали это ближе к вечеру. Но тут ситуация требовала.

Потом мы по очереди принялись изучать кольцо. На нем стояла проба, но золото было не яркое, а какое-то темное, черноватое, что ли.

– Старинное, – изрек Вася. – Сразу видно.

– Это, наверное, папенькино, – заявила Анна Николаевна.

Она пояснила, что он, видимо, твердо решил уехать навсегда, когда отправлялся вместе со своим сыном от первого брака в Париж. И оставил обручальное кольцо.

Ольга Николаевна заметила, что то же самое могла сделать и Нина. Оставить свое обручальное кольцо, уезжая, чтобы начать новую жизнь.

Иван Петрович положил конец их спору, заявив, что спорить просто не имеет смысла. Какая разница, чье кольцо? Пусть Николая Алексеевича, пусть Нинино, пусть еще чье-то. Это меняет суть? Нет. Важно, что мы его нашли. Один из трех возможных кладов.

Кольцо, конечно, по праву принадлежало сестрам Ваучским, но они твердо заявили, что мы будем считать его общеквартирным: ведь все же принимали участие в поисках, да и дальше будем. Без нас старушки никогда ничего не нашли бы. Казначеем у нас была назначена Анна Николаевна (по старшинству). Вчера ей были переданы на хранение доллары, оставленные Валерием Павловичем, сегодня мы вручили ей кольцо. Если потребуется на ремонт или еще на какие нужды – продадим.

Анна Николаевна заметила, что кольцо неплохо было бы оценить. Общеквартирным решением в ломбард была отряжена я.

– Как раз плитку купишь, – заметил Вася. – А я ее вечером разрисую. За краской я сам схожу, а то ты можешь не то взять.

– А сколько брать плитки? – уточнила я. – Одну, что ли? И их вообще продают по одной?

Поскольку печкой до сих пор занимался Серега, мы пока не знали, есть ли какие тайники наверху. Из-за своего маленького роста сын, естественно, туда не доставал. Еще оставалась необследованной печка на кухне – бывшей комнате деда Лукичева.

Иван Петрович заметил, что с покупкой плитки нам торопиться нечего, когда обе печи осмотрим полностью, тогда и закупать будем. И вообще, может, нам самим тайник в печи устроить? Ведь автоматы же, например, где-то хранить надо.

Мы взглянули на притуленное к стенке оружие и решили, что в любом случае надо бы его куда-то припрятать, – нечего ему тут стоять, еще пожалует неизвестно кто. Например, капитан Безруких. Не посмотрит, что я учительница его сына-балбеса. За хранение-то ведь там что-то положено.

Я открыла печную заслонку и увидела, что короткоствольное создание рук человеческих прекрасно входит внутрь.

Вася рекомендовал завернуть автомат в тряпочку, а потом положить в полиэтиленовый пакет. Я так и сделала. Сестры Ваучские сказали, что будут хранить свой в комод, чтобы под рукой был на всякий случай; а пистолет нам не помешало бы оставить у входной двери, а то в последнее время слишком много непрошенных гостей заходит.

Мы проследовали в прихожую, заваленную дяди-Ваниным добром, но решили его пока там оставить – до тех пор, пока не поклеим новые обои у Ивана Петровича. Чего ж таскать мебель туда-сюда? Пистолет же приткнули за общеквартирной вешалкой.

Я переделалась для выхода на улицу, но не успела покинуть квартиру: на лестнице послышались мужские голоса и грохот, происхождение которого мы сквозь нашу дверь определить не могли.

– Это еще кто такие? – шепотом спросил дядя Ваня, появившийся в прихожей, чтобы закрыть за мной дверь.

Я пожала плечами.

– Тянут что-то наверх, – заметил подошедший Вася. – В мансарду. Доски, пожалуй. Марина, открывай. А я на всякий случай поближе к пистолету подойду.

Я распахнула дверь. По лестнице действительно тащили какие-то доски, коробки и ящики.

– Здравствуйте, – сказала я.

– Здравствуй, красавица, – ответил мне мужчина лет пятидесяти, с запорожскими усами; он держал в руках какой-то ящик.

На лестницу выглянула Ольга Николаевна и спросила, не ремонт ли собираются делать молодые люди. Ей ответили утвердительно.

– И у нас тоже?

Двое возвращавшихся сверху мужиков остановились перед нашей дверью и сообщили, что их наняли для ремонта сторевшей мансарды, потом спросили, не про нас ли это в газете писали. Мы кивнули. Мужики сказали, что, если мы хотим, чтобы они и у нас сделали ремонт, «можно договориться». Мы тут же стали жаловаться на бедность и в конце концов заявили мастерам, что нам, несчастным, самим придется все делать. О том, чтобы кого-то нанимать, речи быть не могло. Мужики потеряли к нам интерес и пошли дальше.

Я временно осталась в квартире.

– Молодец Валерий Павлович, – заметил Иван Петрович. – Как он быстро.

– Если это Валерий Павлович, – почему-то закрались у меня подозрения, – надо бы ему позвонить.

Я подошла к аппарату и набрала номер сотового телефона Валерия Павловича, который он нам вчера оставил.

Выслушав меня, Боровичок прошипел что-то невнятное, а потом заявил, что или перезвонит, или приедет к нам ближе к вечеру. После чего отключил связь, не сообщив ничего вразумительного.

– Значит, не он, – констатировал Иван Петрович.

Решив, что делать мне дома пока нечего, я все-таки отправилась в ломбард, а по пути заглянула на помойку. Вчерашних молодцев там уже не было.

* * *

Вернувшись домой, я, как и вчера, застала Валерия Павловича у нас на кухне, теперь уже в сопровождении двух других молодцев, которые молча подпирали стены, не произнося ни звука и не производя никаких действий. Просто стояли два памятника и ждали шефа. Как я предполагаю, были предупреждены о возможностях наших жильцов.

Валерий Павлович опять пил кофе (мой), но уже из «нейтральной» чашки. Наши сидели вокруг стола и слушали. Отсутствовал только Сережка, еще не вернувшийся с пляжа.

Я присоединилась к честной компании.

– Мансарду купили, – сообщил мне Вася.

Валерий Павлович с мрачным видом кивнул.

– Кто? – спросила я.

– ЗАО «Элефант», – ответил Боровичок и добавил с легкой усмешкой: – Если вам это что-нибудь говорит, Марина Сергеевна.

Мне это название, естественно, ничего не говорило, как и всем нашим. Как и самому Валерию Павловичу, проводившему весь день в разведмероприятиях, но так ничего толком

и не выяснившему. Он мог лишь сообщить, что ЗАО «Элефант» оказывает фотоуслуги населению, а следовательно, собирается устроить в мансарде фотоателье.

– Я понимаю, вы недовольны тем, что кто-то прибрал к рукам мансарду, – заметила Ольга Николаевна. – Так что ж вы ее не на себя оформляли-то? Раньше надо было думать, батенька.

Валерий Павлович пояснил, что по определенным причинам он не мог купить ее на свое имя. Его устраивало, что по документам ею владел не он сам, а господа художники.

– Документы сгорели? – спросил Иван Петрович.

Договор купли-продажи, подписанный художниками, хранился у Валерия Павловича, но, как сегодня выяснил Боровичок, художник Костя, единственный из оставшихся в живых, по официальной версии, мансарду продал и подписал соответствующие бумаги.

Мы все заговорили одновременно. Вася предлагал связаться с Костей. Вася не верил, что друг вот так сразу решил продать помещение. Я рекомендовала представить Васю с Андреем, живущим до сих пор в деревне, куда следует. Ведь если договор заключался тремя лицами, то все трое и должны давать согласие на продажу; а если они не все согласны, договор купли-продажи должен быть признан недействительным. Анна Николаевна с Ольгой Николаевной заявляли, что нам тут никакого фотоателье не надо, – чтобы клиенты с утра до ночи по нашей лестнице шастали. Иван Петрович высказался в том смысле, что согласился бы работать с гробами в мастерской на пару с Васей. В общем, мы дружно склонялись к варианту: признать продажу недействительной.

Валерий Павлович пыл наш поумерил. Во-первых, сказал он, Вася с Андреем признаны усопшими. Может, так оно и лучше.

– Для кого?! – взревел Вася. – Вот он я! – Вася хотел разорвать на себе футболку, но воздержался, вспомнив, что футболка не его, а дяди Ванина.

– А ты подумай, Васенька, – заворковал Валерий Павлович и объяснил, что перед человеком, которого как будто бы нет, но который на самом деле есть, открывается масса новых возможностей. И объяснил каких. А также вскользь заметил, что у него для Васи – если тот хорошо себя зарекомендует – может появиться не одна дополнительная работенка. Зачем Васе паспорт? Он им когда в последний раз пользовался? Васю в квартиру приняли? Иван Петрович диванчик выделил? И пусть Вася хорошо подумает: стоит ли ему сейчас засвечиваться? Показывать кому не надо, что он жив, даже если и не совсем здоров. Ведь во второй раз могут не только ранить.

Вася закручинился, но идеи Валерия Павловича принял, только спросил, стоит ли говорить с Костей, отказавшимся от мансарды. Костя-то ведь точно знает, что его друзья не сгорели.

– Позвонить ему стоит, – кивнул Валерий Павлович, – только не сообщать, откуда звонишь. Поинтересоваться, мол, чего это он так, не посоветовавшись со мной. Ведь я же внес последний взнос. Как бы от себя лично позвонить. Не говорить, чем занимаешься, где живешь, с кем общаешься. А третий ваш где?

Насколько было известно Васе, Андрей до сих пор пребывал на Костиной даче. Куда он мог деться?

– Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, – изрек Валерий Павлович. – Рекомендую с ним не общаться. Если вдруг появится здесь – Васю не показывать. Ничего не знаете, ничего не слышали.

– Но... – открыл рот Вася.

Боровичок поинтересовался, чья шкура Васе ближе к телу, и заметил, что если Вася хочет и дальше жить и работать, то ему следует делать то, что велит он, Валерий Павлович. Не больше и не меньше. А Васиных товарищей Валерий Павлович вытягивать не намерен. За Васю жильцы нашей квартиры поручились, Боровичок с этим смирился, но одного Васи

достаточно. Костя с Андреем пусть сами выпутываются. А с Костей вообще отдельный разговор будет.

Я никак не могла понять, из чего надо «выпутываться» Косте с Андреем, но смолчала, решив припереть Васю к стенке после того, как уйдет Валерий Павлович.

Я спросила у Боровичка, можно ли мне задать прямой вопрос. Боровичок внимательно на меня посмотрел, подумал и кивнул. Я поинтересовалась, получал ли Валерий Павлович предложения выселиться вместе со своими гробами из мансарды. Если да, то знает ли он, от кого они исходили.

Валерий Павлович усмехнулся и ответил «да» на первый вопрос и «предполагаю, но точно не знаю» на второй.

– То есть вывоз товара и последовавший за ним пожар были устроены с единственной целью – выселить вас? – уточнила я.

– Возможно, – ответил Боровичок.

– Но вы намерены держаться за наш дом? – спросила Ольга Николаевна у Валерия Павловича.

– Намерен, – кивнул он, но причину пояснять не стал.

Его пожелание увидеть нас в роли частных детективов также оставалось в силе. Он очень хотел выяснить, куда делся товар. Может, будет даже и лучше, если к нам кто-то пожалует. А мы с гостями поговорим по душам. Как мы умеем. Валерий Павлович рекомендовал нам также познакомиться с сотрудниками фотосалона, когда он начнет работать над нами. Боровичок на нас очень рассчитывал. Ему что, вообще было не на кого положиться из своего окружения?

Наконец Валерий Павлович удалился. С двумя сопровождающими, так и не проронившими ни слова за время, пока они подпирали наши стены. Мы же продолжили совещание.

– Нас не убьют? – спросила Анна Николаевна.

– Да кому мы нужны, – отмахнулась я. – И с какой стати?

Но вообще-то было бы неплохо узнать, кто так хотел выселения Валерия Павловича. Возможно, им требовалась только мансарда, что мне лично казалось наиболее вероятным. То есть дело было не лично в Валерии Павловиче, а в занимаемом им помещении. А наша коммуналка кому нужна?

– Но тогда зачем было устраивать наверху пожар? – спросила Ольга Николаевна.

– Например, чтобы избавиться от каких-то трупов, – высказал свое мнение Вася. – Или там в самом деле кто-то устроил пьянку – да хоть бомжи окрестные – и угорели. Да мало ли причин?

Главное, мы сошлись в одном: кто-то хотел завладеть мансардой. И завладел.

– А чтобы узнать, кто именно, нам нужно выяснить, кто директор этого фотосалона, – добавил Иван Петрович. – Отправим Мариночку фотографироваться.

В общем, опять я. Ну что ж, если за получение информации мне хорошо заплатят... То почему бы и нет? А ведь Валерий Павлович точно не знает, кому он помешал, но очень хотел бы узнать. С нашей помощью. И еще – товар. Кстати, о товаре...

– Вася, – обратилась я к художнику, – а там гробов-то много было? В смысле в той партии, которую у вас украли?

Художник пожал плечами. Я попросила назвать хотя бы примерную цифру.

– Штук пятнадцать-двадцать, – сказал он.

– Это из-за пятнадцати штук Валерий Павлович на уши встал?! – воскликнул Иван Петрович. – Из-за простых деревяшек?

Ольга Николаевна заметила, что он «на уши вставал» не из-за количества, а из-за факта. Украден товар. Что он вначале от художников требовал? Чтобы возместили ущерб. Естественно для бизнесмена. Потом оказалось, что его таким образом хотели выселить, чтобы

занять мансарду. Мансарду заняли. Валерий Павлович пытается найти новое место для хранения товара и новых работников. Мы ему отказали, но он надеется, что мы в итоге согласимся.

– Он хочет, чтобы мы нашли эти гробы! – заявил Иван Петрович.

– Он не знает, кто именно его выселил, – поясняла, как ребенку, Ольга Николаевна. – Неужели не понял, Ваня? Повторяю: дело не в количестве, а в самом факте.

И тут у меня промелькнула странная мысль.

– Вася, – обратилась я к художнику, – а гробы были пустые?

Вася опустил глаза и закрыл лицо руками. Мы все застыли на своих местах, переглянулись. Вася молчал. Иван Петрович подошел к нему и потряс за плечо.

– Вася, почему ты нам не сказал? – спросила Ольга Николаевна. – Ты же знаешь, что мы твои друзья. Это перед Валерием Павловичем можно комедию ломать, а перед нами не надо. Мы должны знать. Чтобы обезопасить себя.

– Я... – промямлил Вася. – Ну, то есть...

Иван Петрович не выдержал и схватил его за грудки.

– Хочешь, чтобы отдали тебя Валерию Павловичу? Не зря он, видать, хотел тебя заполучить. Так это мы запросто. Звони, Марина.

Я направилась к телефону.

– Нет! – закричал мне вслед Вася. – Не надо.

Я повернулась и вопросительно посмотрела на него.

– Там хранились патроны, – тихо сказал он и снова закрыл лицо ладонями.

Последовала немая сцена. Иван Петрович отпустил Васю. Анна Николаевна шумно вздохнула. Ольга Николаевна схватилась за сердце. Мне стало ясно, почему художники не могли возместить ущерб и почему Валерий Павлович ни в коем случае не хотел привлекать к делу милицию. Я спросила:

– Во всех пятнадцати? Или сколько их там было?

Вася ответил, что не во всех. И не всегда. Только иногда. Причем в тех, которые художникам не надо было оформлять. Ведь мансарда использовалась и как склад. Валерий Павлович – или его люди – четко указывали, что с какими гробами делать: эти тканью обтянуть, здесь бахрому дать, тут еще что-то, а вот эти, например, пусть просто стоят.

В общем, Вася с Андреем как-то полюбопытствовались – и выяснилось: среди тех, которые просто складировались, оказались два наглухо заколоченных. Художники заинтересовались и вскрыли один. И увидели содержимое. Больше никогда не открывали – только тот, один-единственный раз. Правда, потом всегда проверяли, есть ли наглухо забитые в партии. Чтобы уж точно знать. В той партии, что украла, были. Целых три.

– Но вес! Когда вы носили их по лестнице... – начала я.

– Их всегда носили не мы, – пояснил Вася. – Носили грузчики Валерия Павловича. Так что мы вроде бы и не должны знать... Мы с Андрюхой, когда Валерий Павлович разъяренный принесся – ну, после пропажи, – мы вениками прикидывались... Он нас все исподволь допросить пытался... но вроде бы решил, что мы про патроны не знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.